

Ида Мартин

ТОЛЬКО НЕ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

САМЫЕ ГЛАВНЫЕ ВЕЩИ НА СВЕТЕ — ЭТО НЕ ВЕЩИ

Ида Мартин
Только не для взрослых
Серия «Виноваты звезды»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68521839
Только не для взрослых. Роман: АСТ; Москва; 2022
ISBN 978-5-17-152646-7*

Аннотация

Они молоды, безрассудны и всемогущи.

Они совершают глупости, рискуют, идут напролом, нарушают правила, дружат безвозмездно и любят до умопомрачения.

Тоня узнает секрет своих родителей и неожиданно теряет любимого человека, Никита не может решить, кому из девушек должен достаться лунный пирог Юэбин, а Вита вынуждена ходить в школу под присмотром охранника.

Но если Дед Мороз – твой знакомый блогер, а от опасностей можно спрятаться в Нарнии, то все оказывается не так уж и страшно, даже если сражаться приходится со всем взрослым миром.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	29
Глава 4	46
Глава 5	63
Глава 6	73
Глава 7	86
Глава 8	104
Глава 9	116
Глава 10	129
Глава 11	144
Глава 12	165
Конец ознакомительного фрагмента.	168

Ида Мартин

Только не для взрослых

Роман

*На этом свете меня огорчает только одно – то,
что нужно становиться взрослым.
Антуан де Сент-Экзюпери*

* * *

© Ида Мартин, текст, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Глава 1

Тоня

– Если так подумать, что ты теряешь? Тебе восемнадцать. – Облокотившись локтями о столик, Кац подался вперед, отчего создалось ощущение неприятного давления. – Зачем тебе «Место на кладбище»?

На вид ему было лет сорок пять. Небольшие залысины, крупный крючковатый нос и широкая картинная улыбка продавца. Однако надетый поверх темно-зеленой водолазки шерстяной коричневый пиджак выдавал в нем скорее представителя богемы, нежели торгаша.

За огромным панорамным окном кафе стояла промозглая ноябрьская темень, а внутри было тепло и уютно, пахло горячим шоколадом и ванильной сдобой.

Мы с Амелиным сидели рядом, держась за руки под столом.

С момента нашей встречи Кац говорил почти не переставая, как любят делать люди, чувствующие превосходство возраста, и усиленно убеждал Костика отдать картину, которую подарил ему старый, выживший из ума художник Гаврилович.

Дело было еще весной, когда они с Тифоном и Артёмом лежали в больнице. Гаврилович страдал деменцией, и мужи-

ки, его соседи по палате, регулярно над ним издевались.

Пожалев деда, парни вступились за него, и мужики отстали. А спустя несколько месяцев внезапно объявился Кац, поверенный Гавриловича, и вручил всем по картине.

Картина Костика была черная и, хотя называлась неудобно: «Место на кладбище», по задумке Гавриловича означала покой.

Амелин клялся, что на ней изображена черная асфальтовая дорога, по которой мы с ним идем, взявшись за руки. Я же видела внутри картины его черные глаза. Это было странно, но мне действительно казалось, будто из ее непроглядной черноты он смотрит на меня своим долгим взглядом. Артём видел звездное небо, а Макс – собственную тень.

У Артёма была другая картина. Белая. Она называлась «Невеста», и Амелин всегда различал на ней крылья ангелов, а я разное: то белый облачный замок, то снег, то мохнатый овечий коврик из мансарды, то его обросшую челку. Ребята говорили, что у Тифона картина зеленая, но я ее не видела.

Картины обладали чудесным свойством: каждая якобы одаривала своего владельца тем, что заложил в нее автор. Таким образом, Амелину достался покой, Артёму – любовь, а Тифону – счастье.

И вот теперь Кац предлагал отдать ее какому-то таинственному коллекционеру просто так. Нет, он, конечно, наплел про исполнение желания, которое Амелин получит взамен, но поверить в подобную ерунду могла разве что Настя.

Подразумевалось, что если картину продать, то она не будет «работать», как надо. А исполнение желания нематериально и могло обмануть придуманную Гавриловичем «систему».

– Мне интересно. – Голос Амелина был полон простодушия. – А вы сами реально верите в то, о чем говорите?

– Если бы не верил, давно бы сменил работу, – откликнулся Кац со спокойной убежденностью.

– А мы? – Костик медленно развернулся ко мне. – Мы в это верим?

В отличие от него, охотно допускающего всякое мистическое и ненаучное, вроде реинкарнации или энергетического обмена, я в принципе в подобное не верила, а самому Кацу и подавно. Три-четыре месяца о нем ни сном ни духом, и тут – пожалуйста: самое выгодное предложение в жизни. Вчера позвонил, а сегодня мы уже сидим с ним в кафе.

– Сколько у нас есть времени подумать?

– Думать? – Кац сделал вид, что поражен: – Вы собираетесь думать? Мне обязательно нужно разобраться с этим до Нового года. Нет, ребят, поймите, вы же можете просить любое, и нематериальное тоже. За подобное люди душу отдают, не то что картину.

Амелин взглянул на него с нескрываемой иронией:

– Неужели душа все еще в цене?

– С учетом того, что сейчас – это большая редкость, ее стоимость со времен Фауста значительно возросла, – серьез-

но отозвался Кац. – Поэтому, если соберетесь продавать душу через Интернет, – не ведитесь. Это точно развод. Никто не покупает товар не убедившись в его наличии.

– Кто-то продает душу через Интернет? – удивилась я.

Он криво усмехнулся:

– Таких предложений полно. Но это все аферисты. Настоящие скупщики душ приходят к продавцу лично. Итак, что мне ответить своему клиенту?

– Скажите, что у меня нет желаний, – ответил Амелин.

– Зря вы так. Я не помню, чтобы мой клиент при его возможностях предлагал кому-нибудь подобное.

– Вот теперь мне стало любопытно. – Амелин подался вперед. – Кто он? Этот ваш клиент. Страшный маг и волшебник? Или, может, тот, кого нельзя называть?

– Знаете что? – вмешалась я. – Если вы считаете, что мы глупые просто потому, что нам мало лет, то вы ошибаетесь. Мы в эти ваши разводки не верим и картину не отдадим. Да, Костя?

– Если ты говоришь «не верим», значит, не верим, – добродушно согласился Амелин.

– Все ясно. – Недовольно поднявшись, Кац выложил на стол свою визитку: – Это на случай, если передумаете.

Мы провожали его взглядами до тех пор, пока расплывчатый силуэт за окном кафе не поглотила осенняя тьма.

Я прижалась щекой к плечу Амелина, одетого в черную плюшевую толстовку:

– Неужели он и вправду думал, что мы купимся на эти глупости?

– А почему бы и нет? Для некоторых надежда лучше покоя.

– Но он не предлагал обмен.

– Желание – это и есть надежда. Люди надеются, что оно исполнится.

– Ну хорошо, а если предположить, что такое возможно, что бы ты загадал? Стать знаменитым? Богатым? Влиятельным?

Костик с укоризной заглянул мне в лицо. У него были очень светлые, занавешивающие половину лица волосы и черный, проникающий до самого сердца взгляд:

– Мы сейчас точно обо мне говорим?

– Тогда что? Крылья? Способность быть невидимым? Или волшебную палочку?

– Уже теплее. – Он поднял голову к потолку, задумавшись.

– Ты бы попросил Капищено, да? – снова предположила я. – Чтобы жить там припеваючи и ни в чем не нуждаться.

– И чтобы всегда было лето.

– И чтобы лето. Интересно, а можно загадать такое желание? Хочу, чтобы всегда было лето, и – бац! – на всю жизнь: солнце, зелень, голубое небо. Даже в Новый год.

– Надоест.

Мои пальцы, машинально поглаживающие его руку, остановились на запястье:

– А может, ты бы хотел прожить свою жизнь заново и что-нибудь в ней изменить? Что-то исправить или предотвратить? Раз уж мы считаем, что это по-настоящему волшебное желание.

– Исправить хотел бы, а вот жить заново – точно нет, – не раздумывая ответил он. – Зачем? Мне никогда не было лучше, чем сейчас.

В забегаловке рядом с кафе мы купили печеную картошку с разными наполнителями: грибами, сыром, красной рыбой, курицей и зеленью.

Все это было горячим завернуто в фольгу и так ароматно пахло, что всю дорогу, пока ехали домой на метро, мы ловили на себе голодные взгляды пассажиров.

Амелин обожал картошку. Я теперь тоже.

Ребята, Артём и Макс, с которыми жил Костик, уехали на пару дней за город, предоставив нам редкую возможность побыть вдвоем не в общественном месте.

Квартира у них была большая, трехкомнатная, с хорошим ремонтом и очень чистая. Ни за что не скажешь, что в ней живут трое парней. Убирались, конечно же, не они, но то, что Артём за этим тщательно следил, впечатляло.

Ели в комнате, сидя на ковре, с тарелками на коленках, а на низеньком журнальном столике стоял ноут, на экране которого крутились музыкальные видеоклипы.

Мы смотрели их и прикалывались над певцами с самолюбленными искусственными лицами, над нелепой одеждой, глупыми текстами песен и пафосными сюжетами.

Это было весело и позволяло посоревноваться в сарказме не обижая друг друга.

Мне нравилось видеть, как Амелин смеется над пустяками, как по-мальчишечьи забавляется, весело шутит. Как гримасничает и дразнит меня. Нравилось, что в последнее время он все реже погружался в себя и стал намного спокойнее. Его словно отпускало. И то, что он поселился здесь, определенно сыграло в этом не последнюю роль.

У нормальных людей близость начинается с нежностей – поцелуев или прикосновений – у нас же всегда все начиналось с потасовки: шутливой дружеской возни или принципиального противостояния вроде драки подушками. Подобные баталии проходили бурно и длились до тех пор, пока пожар не разгорался до такой степени, что причина, по которой он начался, уже не имела значения.

Как правило, верх одерживал Костик, и мне приходилось подчиняться, но бывало так, что побеждала я, и тогда он охотно подыгрывал, изображая жертву: стонал, молил о пощаде и смешил меня в самые неподходящие моменты.

Телефон Амелина зазвонил, когда, уложив его лицом вниз и надавив коленом на позвоночник, я пыталась связать рукава толстовки у него за спиной.

– Выключи его, – попросил он.

Не поднимаясь, я с трудом дотянулась до дивана и, подцепив двумя пальцами, выудила трубку.

– Мила, – прочитала вслух. – Вы общаетесь?

– Нет, – сдавленно выдохнул он под моей тяжестью.

– Тогда зачем она звонит?

– Откуда мне знать? Я же не отвечаю ей, глупенькая.

– Вот и не отвечай. – Отшвырнув телефон обратно на диван, я уселась ему на спину. – И где же она сейчас живет?

– В Подмосковье где-то.

Мила была его матерью, но формально ее лишили родительских прав незадолго до его совершеннолетия. Так что большую часть жизни Костик прожил с ней и натерпелся всякого. Нет, она сама и пальцем его не тронула, но регулярно приводила в дом злобных, отвратительных мужиков с садистскими наклонностями. Всех подробностей я не знала, Амелин отказывался об этом рассказывать, но его спина, покрытая шрамами от побоев и жутким ожогом, говорила сама за себя.

Прошлым летом у него умерла бабушка, оставив ему квартиру и дом в деревне. Мила с этим никак не могла смириться и давила Костику на совесть до тех пор, пока он не переписал на нее дом, который она сразу же выставила на продажу. Квартиру же пришлось сдавать.

Я ничего не слышала о Миле с лета, а объявлялась она, только когда ей что-то было от него нужно.

– Ты же не думаешь, что она просто соскучилась?

– Не думаю.

– Хорошо.

– Тоня, – он нетерпеливо подергал плечами. – Ты будешь мучить меня дальше?

– Я тебя не мучила!

– А что же ты делала?

– Пыталась объяснить, что твоя шутка про женскую логику несмешная.

– Тогда почему ты смеялась?

– Потому что ты мной манипулируешь. Это, кстати, тоже тебе нужно объяснить.

Однако настроения продолжать игру больше не было.

Освободив Амелина, я переползла к дивану и привалилась к нему спиной.

– Перезвонишь ей?

– Не собирался. – Он повернулся на бок и, подперев голову рукой, уставился на меня: – А надо?

– Тебе стоит сменить симку.

– Зачем? В звонках из прошлого нет ничего опасного. Они безобидные как тени. А тени означают, что там, где ты, есть свет.

– Для меня, Амелин, твои тени чернее этой самой картины, – я кивнула на стоявшее на комод «Место на кладбище» и задумалась: – Почему все-таки Гаврилович для обозначения покоя выбрал именно черный цвет?

– А ты знаешь, что черный – это не цвет? – Костик сел по-турецки. – Ну, то есть это ученые так считают. Ведь его нет в цветовом спектре. И когда мы видим черный, это означает, что мы просто ничего не видим.

– Значит, я сейчас не вижу ни эту картину, ни твою кофту, ни твоих глаз?

– Ты видишь отсутствие их цвета.

– В этом есть какой-то особый философский смысл? Потому что если он есть, то я его не понимаю.

– Наверное, есть. – Амелин пожал плечами. – Я специально не думал.

– Подумай, – назидательно сказала я. – А потом смени симку.

– Вот именно это и называют женской логикой. – Он кинул в меня скатанный из фольги шарик. – С нетерпением жду твоих разъяснений.

Его широкая улыбка сияла. Резко подскочив, я бросилась на него. Но он, тут же обхватив меня, перевернул на лопатки и прошептал прямо в лицо:

– Смысл покоя в отсутствии чувств.

Глава 2

Никита

К восемнадцати с половиной годам моим главным открытием стало то, что самое удивительное и непредсказуемое в жизни – это сама жизнь.

Сегодня дела идут хуже некуда, ты подавлен, запутан, разбит. Тебя никто не понимает, ты зол и разочарован. Одиночество кажется бесконечным, а в ближайших планах муть и непроглядная тьма.

Но на следующий день вдруг просыпаешься и неожиданно понимаешь, что все хорошо. Даже очень хорошо, о чем ни подумай. И родители, хоть не идеальные, но вполне терпимые. И друзья пусть с тараканами, но все же надежные, и с учебой не то чтобы сильный напруг, и крыша над головой есть, и еда. А если в ближайшие четыре года не вылетать из универа, можно вообще особо ни о чем не запариваться.

– Ну, хорош, слов нет. Прямо Аполлон Бельведерский. Юный Ален Делон. Патиссон – не иначе.

Бабушка, как всегда, тихонько подкралась и, остановившись в дверях кухни, критически наблюдала, как перед большим зеркалом в коридоре я выбираю, что надеть.

– Какой еще патиссон? – Я метнулся в свою комнату.

– Ну, актер такой модный из Голливуда. Думаешь, я от-

стала?

Бабушка настырно отправилась за мной:

– Надевай рубашку. Девочки любят аккуратных мальчиков. Ты же с девочками идешь?

– Угу. – Я сделал вид, что полез в шкаф.

– А с какими девочками? Из твоего института? Или с Настей?

Про Настю я не говорил ей ни слова. Зато мой сводный брат Дятел успел наболтать с три короба.

– Угу.

– Что «угу»? – Она принялась машинально хватать вещи со стула и складывать их стопочкой. – Прихорашиваешься, как будто с Зойкой Мироновой на свидание собираешься.

В ее словах звучала провокация, но я пропустил это мимо ушей.

– Во сколько вернешься?

– Не знаю.

– Ты же понимаешь, что из-за тебя мы не спим?

Теперь, когда я с полным правом мог находиться вне дома после двадцати двух ноль-ноль, бабушка пыталась давить на совесть.

– Постараюсь не поздно.

– Ты в прошлый раз так говорил, а появился в итоге в два.

– Я опоздал на метро.

– Поражаюсь твоему легкомыслию! У нас такой неприятный район, столько приезжих и опасных компаний...

– Ты сама говорила, что опасная компания – это все мои друзья.

– Ой, да, а как там Андрей Трифонов? – тут же переключилась она. – Служит?

– Служит.

– Очень хорошо. Таким, как он, полезно послужить.

Бабушка считала моего лучшего друга Тифона агрессивным и неуправляемым.

Это был общепринятый школьный ярлык, который к реальности имел весьма отдаленное отношение. Да, как-то раз Тифон заставил Малыгина у всех на глазах жрать мел, но это произошло потому, что тот гнобил и унижал пятиклашек.

Да, Тифон побил четверых «мальчиков» из приборостроительного колледжа, чьими справками из травмпункта директриса размахивала на родительском собрании. А то, что этим «мальчикам» было по двадцать лет и они, пьяные, писали в песочницу на детской площадке, никого не волновало.

Да, Тиф подрался с охранником из ТЦ, который лапал девчонок под предлогом того, что заподозрил их в краже.

Много чего было, но всегда по делу.

– И где же он служит? В Москве? – Бабушка вопросительно прищурилась.

Она лучше меня знала подробности жизни Тифона, потому что была в курсе всех главных районных сплетен, а события, происходящие в его семье, вполне тянули на неплохой мелодраматичный сериал с раскрытием тайн отцовства

и историей многолетней любви между тетей Таней, матерью Тифона, и папашей Ярика Ярова, еще одного нашего одноклассника, с которым у Трифонова и без того были непростые отношения.

Всплыла эта история совсем недавно, и теперь ее обсуждали все кому не лень.

– В Подмосковье.

– Ну понятно... То он все нос от отца воротил, а как пристроиться понадобилось – сразу присмирел.

– Конечно воротил! – возмутился я. – Девятнадцать лет прошло после того, как Юрий Романович бросил его мать, а теперь внезапно возник и влез в их жизнь. Тиф не хотел, чтобы так получилось. Юрий Романович сам его вынудил.

– Да-да, конечно. – Бабушка делано покивала. – Пытками заставил.

Она цеплялась нарочно, со скуки, поэтому, собравшись за две минуты, я поскорее вылетел из квартиры, пока не успел ей нагрубить.

На самом деле насчет Зои бабушка не ошиблась. Я шел встречаться не только с Настей.

Перед тем как уйти в армию, Тифон взял с нас с Лёхой слово, что мы не дадим Зое скучать. Будем везде водить и веселить, чтобы ей вдруг снова не пришло в голову, что она устала от однообразия и предсказуемости. И данное обещание мы добросовестно выполняли. Иногда, если наше учеб-

ное расписание совпадало, ходили втроем гулять по району, но гораздо чаще развлекали Зою порознь. Лёха – вытаскивая на вечеринки, а я в основном звал в кино.

В этот раз мы должны были встретиться с ней на нашей станции в метро, а с Настей пересечься в центре, потому что она ехала с мамой из гостей.

Зою я увидел сразу, как только начал спускаться по лестнице: ее рыжую гриву невозможно было не заметить. Однако каково же было мое удивление, когда рядом с ней я обнаружил еще одну рыжую девчонку: она была в короткой юбке и с укладкой, как на выпускной.

Присутствие Зоиной младшей сестры Нины ничуть не обрадовало. Несмотря на то, что выглядела она весьма привлекательно, долго находиться в ее обществе мог человек только с очень крепкой нервной системой. Кто-то вроде Ярослава.

Я очень надеялся, что Нина с нами не поедет. Но ошибся. – Ты, Горелов, не думай, – тут же заявила она, как только мы устроились возле дальних дверей вагона. – Я на это ваше дурацкое кино только от отчаяния согласилась.

– Дома – вешалка, – пояснила Зоя. – Мама с Соней и Толиком приехали. У них на даче обогревательный котел сломался, теперь пробудут здесь пару недель.

– Маленькие дети – это кошмар, – сказала Нина. – Никогда не заводи детей. Это такие вечно орудия и требующие жрать пиявки. Вся квартира провоняла мясными порешками и памперсами. А когда Сонька спит, все должны сидеть

на кухне, потому что деться больше некуда. Если они через неделю не свалят, я реально из дома уйду. У тебя там случайно лишней комнаты нет?

– Я и сам с Ванькой в одной.

Нина брезгливо скривилась:

– Я бы даже на твоего Соломина согласилась.

– А как же Яров?

Время от времени Нина встречалась с Ярославом, но с учетом ее отвратительного характера периоды их перемирия длились недолго. Ярослав по праву считался гордостью школы. Он прекрасно учился, имел спортивные достижения, нравился учителям, а также был достаточно красив и независим, чтобы заслужить общественное признание. И до тех пор, пока он этим летом не окончил школу, Нина, оставаясь рядом с ним, чувствовала себя королевой.

– Его мама терпеть меня не может. – Нина передернула плечами. – А Ярослав скачет перед ней на задних лапках.

– Конечно скачет, – удивился я. – Она же болеет.

Нина поджала губы, но препираться не стала.

– А я люблю Соньку и возиться с ней люблю, – сказала Зоя. – Но Нина права – жить всем вместе ужасно. Мама орет, потому что ее злит, когда на семи метрах в кухне столпотворение, Толик докапывается по всякой фигне, Нина психует, а спрятаться от всего этого можно только в ванной, но туда тоже вечно очередь.

– Ну, вернется Тиф, сможешь перебраться к нему. Он же звал тебя.

– Не знаю. – Зоя помялась. – Я к такому еще не готова.

– К какому такому? – вытаращилась на нее Нина. – Это же просто квартира. Представь, что ты ее снимаешь. Не свалишь – я сама к нему перееду.

– Переезжай, – согласилась Зоя. – Только ты у него не то что на семи метрах – из круга на полу не выйдешь.

Я расхохотался. Подобное было вполне в духе Тифона. Однако Нина оскорбилась:

– Думаешь, ты такая особенная и распрекрасная? Трифонов вообще с тобой из жалости стал встречаться. Потому что ты сама на него повесилась и не отлипаешь. Думаешь, я не в курсе, что он не хотел, а ты его шантажом заставила?

– Не говори глупости. – Зоя растерялась.

– А кто мне плакался, что он тебя избегает и держит во френдзоне?

– Это не потому!

– Да-да, Тифчик же отличный друг, вот и не бросает друзей в беде. – Нина состроила гримасу. – Иначе с чего бы ты ему сдалась?

– Это ты перед Никитой концерт устраиваешь?

Зоя изо всех сил старалась держать себя в руках.

– А смысл? Он-то в теме.

– В какой теме?

– Да ты у него спроси. – Многозначительно подмигнув

мне, Нина медленно прошла по проходу и встала у соседних дверей.

Зоя с тревогой посмотрела на меня:

– О чем это она?

– Понятия не имею.

Это было абсолютной правдой. Нина блефовала, но Зоя встревожилась не на шутку:

– Пожалуйста, скажи. Очень тебя прошу. Тифон про меня что-то такое говорил?

– Да нет же. Нашла кого слушать. Сестру свою не знаешь?

– Знаю, поэтому и спрашиваю. Кажется, она что-то конкретное имела в виду. У Андрея кто-то есть?

– Где? В армии? – усмехнулся я. – Соберись Тиф завести себе кого-то, ты бы первая об этом узнала. У него же принципы и понятия. Это такой же незыблемый закон, как закон гравитации.

– Ты прав. – Зоя схватила за лацкан моей расстегнутой куртки и принялась с волнением его тереть.

– Что у вас с ней происходит? – Я кивнул на Нину.

– Трудно объяснить. Она и раньше сложная была, а сейчас совсем с катушек слетела. Цепляется по каждому пустяку. Всякую ерунду выдумывает, чтобы меня позлить. Подружкам своим обо мне гадости рассказывает. И я уже не знаю, где правда, а где ее домыслы.

Вся надушенная и сияющая, Настя уже нас ждала. В голу-

бых глазах светилась улыбка, длинные светлые волосы блестя, а нежно-розовая помада на губах приятно пахла чем-то сладким.

Я схватил ее за руку и не отпускал до самого кинотеатра. Мы с ней часто ходили в кино, оба любили его и могли потом часами взахлеб обсуждать даже самый пустяковый фильм.

Её легко мог заставить заплакать грустный или трогательный момент в кино, она переживала из-за плохих новостей в Интернете, любила детей, животных и вообще всех, кто казался ей незащищенным. Но с той же легкостью умела и радоваться. Часто простым мелочам или необычным стечениям обстоятельств: счастливому билету, хорошему сну, любимой песне, заигравшей в кафе, человеку, похожему на какого-нибудь актера или блогера, красивым картинкам в Интернете, смешным названиям блюд в меню.

Если у нее было хорошее настроение, она все время меня целовала. При каждой подвернувшейся возможности, просто так, без всякого повода. В метро, на эскалаторе, в очереди за билетами, иногда на ходу. Это был ее способ выражения радости, и мне он нравился.

В этот раз фильм оказался довольно примитивный, так что обсуждать было нечего. Как только мы вышли из зала, Нина тут же объявила, что проголодалась, но на фуд-корт не пойдет, потому что «такое» не ест.

Тогда Настя предложила отвести нас в дешевый китай-

ский ресторанчик неподалеку, который быстро отыскался среди дворов в полуподвале старого жилого дома. Маленький темный, с традиционной подсветкой красных бумажных абажуров, такими же красными креслами и золотыми драконами на стенах.

Девушка-китаянка в черном фартуке постелила перед каждым из нас полосатую бамбуковую салфетку и выдала по тоненькой дощечке, внутри которой оказалось меню.

Настя объяснила, что порции у них огромные, поэтому можно заказать одну тарелку на четверых, что выходило почти даром. Особенно рис. Рис с говядиной, грибами, креветками, свининой, овощами, чем-то там еще, что я не запомнил, предоставив девчонкам выбирать самим.

Сначала на высокой деревянной подставке нам принесли черный пузатый чайник и четыре маленькие чашечки без ручек. От чая шел сладковато-терпкий аромат; разлитый по чашкам, он казался совершенно прозрачным. Настя сказала, что это улун и в переводе означает «темный дракон».

Напоминание о темном драконе вызвало улыбку. Зоя перехватила мой взгляд. Мы подумали об одном и том же. Татуировка черного ширококрылого дракона была набита на шее у Тифона, поэтому, не успев даже попробовать этот чай, я уже его полюбил.

Рис оказался настолько вкусный, что, пока мы его ели, почти не разговаривали, зато потом на всех накатило довольное умиротворение.

Девчонки заказали еще один чайник и, долго выбирая десерт, остановились на фруктовых шариках в карамели. Однако вместе с шариками на маленьком белом блюдечке нам принесли небольшое узорчатое пирожное, напоминающее кекс.

– Комплимент от нашего шеф-повара. Лунный пирог «Юэбин», – произнесла с сильным азиатским акцентом официантка, сунув мне в руки тарелку. – Для самой красивой девушки этого вечера.

Я завис буквально на несколько секунд, а когда поднял голову, чтобы уточнить, кому именно предназначается пирог, официантки уже и след простыл. Пришлось поставить блюдо на середину стола.

– Нет уж, Горелов. – Глаза Нины азартно заблестели, и, схватив пирог, она протянула его мне. – Отдай самой красивой из нас.

– Издеваешься? Откуда я знаю, что там у шеф-повара в голове?

Зоя взяла пирог у Нины и поставила перед ней:

– Все и так знают, что самая красивая – ты.

Но Нина снова подвинула блюдечке мне:

– Пусть выбирает.

– Не хочу участвовать в ваших разборках. – Я мигом вспомнил неприятную сцену в метро.

– Ты, Горелов, всегда соскакиваешь, когда дело доходит до ответственных решений, – Нина дразнила нарочно.

– Нина, перестань! – Зоя попыталась забрать у меня блюдо, но на этот раз я сам схватил его.

Немного подержал навесу перед Нининым носом и, глядя на ее надменную улыбочку, резко поставил перед Зоей.

– Это твой выбор? – Нинина улыбка стала еще шире.

– Именно, – раздраженно выпалил я. – Довольна?

– Я-то довольна. – Она посмотрела на меня взглядом победительницы. – А вот будь я на месте Насти, то послала бы тебя прямо сейчас.

И тут до меня наконец дошло, в чем подвох. Дурацкая Нина опять все перекрутила.

Настя хотя и старалась улыбаться, заметно сникла. Я схватил ее под столом за пальцы:

– Не обижайся. Я спас тебя: этот пирог выглядит жутко калорийным.

Зоя потупилась, а Нина с интересом следила за Настиной реакцией.

– Разве можно на такое обижаться? – поспешно откликнулась та. – Я же знаю, что я не самая красивая.

– Конечно красивая! – Я почувствовал, как под свитером взмокла спина. – Просто, просто...

– Просто Никита отличный друг, – вступилась за меня Зоя. – Я ему сегодня столько жаловалась, что он меня пожалел.

– Это хорошо, – рассеянно ответила Настя.

– Ну-ну, – Нина деловито покивала. – Интересно получа-

ется, раньше ты его жалела, а теперь он тебя.

– Прекрати быть такой душой! – набросилась на нее Зоя выйдя из себя.

– Сама дура! – парировала Нина.

В этот момент возле нашего стола снова возникла официантка и, широко улыбаясь, принялась сбивчиво извиняться. Но, только когда она забрала стоявшее перед Зоей блюдо с Лунным пирогом, до нас дошло, что она перепутала столики и «комплимент» предназначался не нам.

– Она тебе нравится? – прямо спросила Настя, когда, распрощавшись с Мироновыми в метро, я отправился провожать ее до дома.

– Ты обиделась из-за какого-то дурацкого пирога? – Обхватив за плечи, я попытался заглянуть ей в глаза, но она смотрела на покрытую ледяной корочкой дорогу перед собой.

– Есть такие люди, которые хотят нравиться всем и быть хорошими для всех. И лучше уж ни с кем не дружить, чем с теми, кому нельзя доверять.

– Это мне нельзя доверять? – оскорбился я. – Да я потому так и сделал, что Зоя мой друг, который нуждался в помощи. Так было надо, чтобы Нина о себе много не воображала. Она постоянно цепляет Зою. Я был уверен, что ты поймешь.

Мы остановились возле Настиного подъезда.

Начало декабря выдалось морозным. Из рта шел пар, я

потянулся к ней, чтобы поцеловать на прощание, однако Настя отступила назад:

– Всё в порядке. Ты сделал, как считал нужным и правильным. Зоя на самом деле самая красивая. Это честный выбор. Пока.

Сухо чмокнув меня в щеку, она ушла. Вроде и не ссорились, но на душе сделалось тошно.

Похоже, я вновь накосячил.

Глава 3

Вита

Моя мама уверяла, что «детская» любовь, такая, как моя, ничем хорошим не заканчивается. Что это всего лишь неосознанное влечение, вызванное гормональной перестройкой. И что настоящая, «правильная» любовь бывает только в осознанном, взрослом возрасте, когда двоих самодостаточных и здравомыслящих людей связывают общие увлечения и уважение.

Одним словом, мама была против Артёма. Не то чтобы он не нравился ей сам по себе: Артём всегда держался с ней подчеркнуто вежливо, как умел, когда вспоминал о своем «аристократическом» воспитании, но все остальное, что выходило за рамки ее поля зрения, вызывало полнейшее неприятие.

Маму возмущало, что он постоянно заваливает меня подарками, балует и, как она это называла, «растлевают». Но, сколько бы я ни пыталась объяснить, что между нами всего три года разницы, подобное поведение она считала аморальным и была твердо уверена, что Артём обязательно меня бросит, — ведь у таких, как он, нет ни стыда ни совести.

Прошлой весной, когда у нас вышла ужасная ссора и я не разговаривала с родителями почти месяц, маме пришлось пойти на ряд уступок в отношении Артёма. И теперь она упо-

вала лишь на то, что наш отъезд к папе в Америку вырвет меня наконец из этой «порочной связи».

О нашем предстоящем переезде я сказала Артёму еще летом. Он ответил, что это невозможно, и больше мы на эту тему не разговаривали. Словно если молчать, то ничего не случится.

Однако выбирать не приходилось. Мне еще не было восемнадцати, и я никак не могла остаться в Москве только по собственному желанию. Стоило только заговорить об этом, как у мамы обязательно случался сердечный приступ.

Тогда я решила взглянуть на ситуацию с другой стороны.

В какой-то степени я тоже была для Артёма «порочной связью». Вместо того чтобы заниматься своей музыкальной карьерой, он слишком много времени проводил со мной. Его опекун всячески стремился избавиться от меня, из-за чего у них регулярно случались ссоры, а Макс, с которым мы, в общем-то, дружили и отлично ладили, периодически давал понять, что затянувшийся конфликт с опекуном ни к чему хорошему не приведет.

Сначала Макс очень радовался, что с моим появлением в Артёме вновь проснулось желание творить, и он начал играть на виолончели. Вот только увлекающейся натуре Артёма всегда всего было мало. И если ему что-то нравилось, он хотел иметь этого так много, сколько мог получить. Это касалось всего: и еды, и вещей, и отдыха, и развлечений, и меня.

Так что музыка, пусть и по другой причине, снова отошла на второй план.

Я не могла не винить в этом себя. Ведь я могла испортить ему жизнь ничуть не меньше, чем, по мнению мамы, он мне. Мой же отъезд освободил бы его от ненужных метаний и самоедства на почве творческого бездействия. Я искренне верила в то, что без меня Артём сможет полностью погрузиться в музыку.

У Артёма были все шансы стать звездой мирового масштаба, и больше всего на свете я желала ему счастья.

В моем представлении освободить его от себя было самым благородным и сильным поступком любящего человека. Необходимая и оправданная жертва ради него же самого.

Поэтому я молчала, с разрывающим сердцем отсчитывая дни в календаре и надеясь на то, что Артём как можно дольше не узнает об этом моем решении. Я очень боялась его реакции и того, что он может устроить. А выкинуть он мог что угодно. Смелости и фантазии ему было не занимать.

Но он все же узнал. От нашей соседки, которой мама разболтала, что взяла билеты на конец декабря.

Вот тогда у нас и состоялся ужасно неприятный разговор. Как и ожидалось, Артём воспринял известие с неприятием: сначала шутил и уговаривал меня остаться, а когда понял, что все серьезно, психанул, выдал нечто вроде: «Самые жестокие в мире люди – это дети», разбил о стену стакан и, пожелав «счастливого пути», пропал на три дня.

Затем вернулся, поинтересовался, не передумала ли я, а услышав, что от меня ничего не зависит, ответил: «Ладно. Переживу» – и снова пропал. Но через пару дней вновь поймал меня в подъезде и признался: «Нет. Не переживу».

– То, что ты решила все одна, ничего толком не объяснив, неправильно, – мягко, но поучительно сказал он, когда после его слов «не переживу» я, захлебнувшись в слезах и любви, обнаружила себя в его голубой с шелковыми шторами и простынями спальне. – Конечно, спорить с тем, что, выбирая между временем, проведенным с тобой, и мучительным поиском идеального звука, я предпочту тебя, было бы глупо. Но, если мне что-то по-настоящему нужно, я умею быть требовательным не только к другим. По-настоящему требовательным.

С непривычно серьезным выражением лица он стоял передо мной, скрестив руки на голой груди. Рваная косая челка занавесила половину лица, черный шарик пирсинга под нижней губой блестел, притягивая взгляд.

– Я забросил музыку в пятнадцать не только потому, что считал, что это насилие над моей личностью. Была и еще одна причина. Те люди, которые меня окружали, они всё мерили выгодой и деньгами. Но, создавая что-то, ты отдаешь частицу самого себя. Своей души. Обнажаешь ее и выставляешь напоказ. А они смотрят на тебя как на голого, разглядывают, оценивают и потом суют деньги в трусы. Выступать перед ними – все равно что метать бисер... Но, когда появи-

лась ты, я снова захотел играть. Почувствовал, что ты можешь ощущать то же, что и я: свет, радость, обиду, боль... Красоту, в конце концов... Чего это ты улыбаешься?

– Ты смешно сказал.

– Что смешного?

– Про деньги в трусы.

Смягчившись, он присел рядом:

– Короче, твой отъезд сделает мое возвращение к музыке невозможным. Совсем. Только так, а не наоборот. Так что, если ты действительно желаешь мне счастья, тебе придется остаться.

– Это уже решено. Мама начала заниматься продажей квартиры и собирает документы.

Артём закрыл мне рот ладонью:

– Ничего не хочу слышать. Ты никуда не уедешь.

Через несколько дней маме позвонила директриса и звала ее в школу.

Я ждала в коридоре.

Их разговор длился минут двадцать. Из кабинета мама выскочила разъяренная, с выпученными глазами и съехавшими на нос очками.

– Быстро домой! – закричала она, словно мне было десять и я что-то натворила.

Пока мы мчались через дворы, она только яростно пыхтела, не отвечая на вопросы. А как только дверь квартиры за

нами захлопнулась, заперла ее на все замки и объявила:

– Больше ты никуда не выйдешь.

– Мам, ты чего? Что я сделала?

– Что сделала?! – Она уперла руки в бока. – Совесть потеряла – вот что! Я готова была сквозь землю со стыда провалиться. Это же надо было до такого додуматься!

– Я честно не понимаю.

– Только не нужно придуриваться!

– Ты же знаешь, я этого не умею.

– Даже если твой идиот устроил это без твоего согласия, что еще хуже, то это была последняя капля моего терпения. Я запрещаю тебе общаться с ним. Больше никаких гостей, звонков и переписок. Дай сюда телефон!

Мама угрожающе двинулась на меня.

– Подожди. – Я отступила назад. – Ты должна рассказать мне, что произошло.

– Сейчас же доставай телефон.

– В чем Артём провинился?

– У меня в голове не укладывается! Это же надо додуматься: подговорить Марианну Яковлевну, чтобы она убедила меня не забирать тебя из школы.

– Это она тебе сказала?

– Разумеется. – Мама всхлипнула и принялась рыться в карманах в поисках носового платка. – И вот за что мне такое наказание?! Я ведь все для тебя делала. Все! И до сих пор делаю. А ты взяла и променяла меня на смазливую мальчишку.

Пока она мыла руки и ругалась из ванной, я попыталась тихонько исчезнуть, спрятавшись в своей комнате, но через полминуты она влетела туда с протянутой рукой.

– Давай телефон! По-хорошему давай. Иначе я позвоню в МТС и попрошу заблокировать твой номер.

Я достала мобильник и отдала ей:

– Мам, пожалуйста, успокойся. Ничего страшного не произошло. Ну, подумаешь, Артём поговорил с Марианной Яковлевной. Мы же все равно уходим из школы, и ты ее наверняка больше никогда не увидишь. Какая теперь разница, что она думает?

– Дело не в Марианне Яковлевне. Черт с ней! Но я не допущу, чтобы какой-то сопляк вмешивался в мою жизнь. Он и так уже испортил все, во что я вложила столько труда, а теперь собирается...

– Давай я схожу и поговорю с ним? Скажу, чтобы больше ничего такого не делал.

– Никаких «поговорю». Довольно. Наигрались.

Она вышла, громко хлопнув дверью.

Я схватила ноутбук, чтобы написать Артёму о том, что происходит, но, когда он загрузился, оказалось, что мама успела отключить роутер.

– Мне уроки нужно делать, – сказала я ей, зайдя на кухню.

– Занимайся по учебнику.

– Задания в электронный дневник пишут.

– Позвони Эле.

– У меня нет телефона.

– Я тебе дам свой. Потому что вайфая больше не будет.

– А как же ты будешь свои новости смотреть? И работы проверять?

– Хватит! – Она ударила ладонью по столу.

Об этом мама, вероятно, не подумала, поэтому еще больше разозлилась.

Но я все равно ушла, чтобы не выслушивать очередную порцию упреков. Завалилась на кровать и лежала в крошечной темноте, уставившись в потолок.

В комнате надо мной Макс слушал музыку, пару раз залажала Лана, потом я различила голос Артёма. Они смеялись и еще понятия не имели, что произошло.

Мама же, сидя на кухне, весь вечер кому-то названивала, то выясняя, как запаролить вайфай, то жалуясь на меня.

Посреди ночи раздался звонок в дверь. Я услышала, как мама встала и прокричала не отпирая, что Вита спит.

Утром я подошла к ней, когда она завтракала, и крепко обняла:

– Давай не будем ссориться?

– Давай, – пробубнила она с набитым ртом. – Но мои условия остаются в силе.

– Можешь хотя бы телефон отдать?

– Нет. В ближайшее время ты его не получишь. Просто прими это как данность. – Она высвободилась из моих рук. –

Обижайся сколько влезет, но ставить под угрозу благополучие нашей семьи я тебе не позволю.

– Но это насилие над личностью.

– Что? – Она перестала жевать. – Отобрать у ребенка телефон – насилие над личностью? Сама подумай, как это звучит.

Разговаривать было бесполезно.

Я решила, что сделаю вид, будто пошла в школу, пройду половину дороги и, когда мама перестанет смотреть из окна, вернусь, чтобы подняться к Артёму и поговорить.

На улице еще горели фонари и было довольно темно. Перед подъездом стоял какой-то незнакомый человек в меховой квадратной шапке, вроде той, что носили в советское время. Я обошла его и двинулась привычным маршрутом.

Человек направился в ту же сторону.

Я пересекла двор, свернула к пятиэтажкам и остановилась возле занесенной снегом детской площадки. Именно отсюда я собиралась вернуться обратно.

Но человек в меховой шапке тоже остановился. Одет он был в куртку цвета хаки и высокие солдатские ботинки на шнуровке.

Я терялась в догадках.

Дождавшись, когда мимо пойдут спешащие к метро люди, я пристроилась за ними. Однако не успела я сделать и пары шагов, как незнакомец вдруг преградил мне дорогу:

– Куда?

На вид ему было лет пятьдесят. Широкое плоское лицо, близко посаженные глаза и жесткий подбородок.

– Иди в школу, – произнес он приказным тоном.

– Вы кто?

– Носков Владимир Петрович.

– Кто?

– Теперь я присматриваю за тобой. Тебе мама не сказала?

– Нет.

– Странно. – Он нахмурился: – Ну, не важно. Твой маршрут: из дома до школы и обратно. Маршрут один – и никакой самостоятельности. И дай мне свое расписание.

– Вы будете ходить со мной в школу?

– Так точно.

– Каждый день?

– Каждый день по будням и в выходные по спецвызову.

– Это мама такое придумала? – Я была совершенно растеряна.

– Она должна была проинформировать тебя и подготовить, как указано в памятке.

– Она ничего не говорила.

– Так... – озадаченно протянул он. – Ты же Вита? Котова? Я кивнула.

– Тогда все верно. Идем. А то опоздаешь. – Он простер руку, указывая направление.

– Зачем вы будете ходить со мной в школу? Мама боится,

что на меня кто-нибудь нападет?

– Понятия не имею, чего боится твоя мама. Об этом в моих инструкциях не сказано.

– А что сказано в ваших инструкциях?

– Что я должен привести тебя в школу, а потом вернуть домой.

– Значит, вы вроде как мой телохранитель?

– Сопровождающий, – уточнил он.

– А это платно?

– Я работаю на агентство.

– Ладно, хорошо. – Я пока не понимала, как к этому относиться. – Тогда перед школой мне нужно будет зайти в одно место.

– Ты идешь в школу.

– Вы не понимаете, мне очень нужно.

– Это не обсуждается.

– Но я не хочу.

– Это тоже не обсуждается.

– Не можете же вы меня насильно туда повести.

– Могу.

– Тогда я закричу, и люди вызовут полицию.

– Это нестрашно. У меня есть документы и допуски с предоставлением мне полномочий. Все бумаги подписаны твоей мамой. – Развернув меня за локоть, он легонько подтолкнул: – Давай шагай.

Весь первый урок я просидела уставившись невидящим взглядом в доску. Нанять какого-то человека, охранника, чтобы я не сбежала, — до такого еще нужно было додуматься. В этот раз моя мама просто превзошла себя.

Когда я вышла из школы, снова было темно, но Носков никуда не делся. словно мрачная тень, он отделился от забора и последовал за мной, держась на небольшом расстоянии.

Прошли совсем немного, и на пересечении с узкой проезжей дорожкой я увидела Артёма. Как всегда, в тонкой куртке нараспашку и с облаком сигаретного дыма над головой.

Я бросилась к нему, и он, тут же подхватив меня, поднял: — Всё, поехали пообедать. Я за сегодня так напсиховался, что у меня проснулся зверский аппетит. Хочу борщ со сметаной.

— Нам надо поговорить.

— Конечно надо. — Он поставил меня на ноги. — Вот и поговорим.

— Только есть проблема. — Я покосилась в сторону приближающегося Носкова. — Видишь вон того человека? Мама наняла его водить меня из дома в школу и обратно. Он не разрешит. Я уже пыталась отпроситься.

— Чего? — Артём вскинул брови от удивления. — Водить? Типа как под конвоем?

— Ну да.

— Не разрешит он... Да кто его спрашивать будет?!

Крепко сжав мою руку, Артём потянул за собой.

– Молодые люди, остановитесь! – послышался сзади голос Носкова.

Артём резко обернулся и небрежно бросил ему:

– Ты свободен.

– Пожалуйста, отойди от девочки, – с механической интонацией произнес Носков.

– Чего-о-о? – Артём загородил меня собой. – Шагом марш отсюда.

– Ты, парень, лучше не нарывайся. Я при исполнении, и с целью ликвидации опасности имею право применить силу.

– Нет никакой опасности, – вступилась я. – Это мой друг. Артём. Не нужно никакой силы.

– Так, ладно. – Артём подошел к Носкову вплотную и, немного наклонившись, что-то тихо сказал.

Нетрудно было догадаться, что он предлагает деньги. Это срабатывало почти всегда, однако Носков лишь упрямо помотал головой.

– Ну и debil, – бросил ему Артём и снова взял меня за руку.

Я не успела сообразить, как это произошло, но в ту же секунду Носков сбил его с ног и, заломив руку, уложил на землю лицом вниз.

– Перестаньте! – Я кинулась к ним. – Вы не имеете права!

Больно вцепившись мне в локоть, Носков повел меня в сторону дома. Заметив, что Артём поднялся и догоняет, он

достал из кармана короткую черную палочку и показал ему.
– Приближаться не советую. «Шерхан». Девяносто киловатт. Через одежду бьет отлично. Нейтрализует противника на несколько минут.

Артём шел за нами, но ничего не говорил. Я лишь слышала его тяжелое дыхание и спиной чувствовала, как он взбешен.

Слезы застилали мне глаза, ноги подгибались.

Возле подъезда Артём крикнул: «Витя, не волнуйся. Я решу это!» – и я снова попробовала вырваться, но безуспешно. Носков довольно грубо дотащил меня до квартиры, попрощался с мамой и ушел. Я свалилась ей под ноги и разрыдалась. Но она даже не подошла ко мне. Сказала только, что суп на плите, и закрылась в своей комнате.

Я лежала в коридоре, не раздеваясь, до позднего вечера. Сначала рыдала, пока голова не начала раскаливаться, а потом уснула. Проснулась вся мокрая от пота, с онемевшей ногой, и едва дошла до туалета.

Мама на кухне смотрела «Ютуб». А услышав меня, снова предложила суп.

Но есть не хотелось. Ничего не хотелось. Такого опустошения и безысходности я не испытывала никогда.

«Самое ужасное, что может произойти с человеком, – это бессилие», – говорил Тифон, и теперь я поняла смысл этой фразы в полной мере.

Мы жили на первом этаже, на окнах стояли решетки. Я

прикинула, сколько времени потребуется, чтобы перепилить их пилочкой для ногтей, и снова расплакалась. Потом водрузила стул на письменный стол и, рискуя неслабо навернуться с этой конструкции, дотянулась до потолка. Несколько раз стукнула со всей силы в него кулаком и прислушалась. Наверху стояла полнейшая тишина. Даже Лану не было слышно.

Мама вошла так неожиданно, что я, вздрогнув, пошатнулась и со страшным грохотом свалилась вместе со стулом. К счастью, упала на кровать, больно ударившись только лодыжкой о ее спинку.

– Совсем ненормальная? – Сначала мама перепугалась и кинулась меня ощупывать, а убедившись, что все в порядке, снова сделала каменное лицо. – Ты мне потом спасибо скажешь.

– Мамочка. – Я поймала ее за руку. – Пожалуйста, если ты меня хоть немного любишь, отмени все это.

– Думаешь, мне самой приятно? – Ее голос потеплел. – Если бы я не знала, что в твоей голове принимают решения не мозги, а гормоны, я бы никогда не пошла на подобные меры, но ты слишком подвержена влиянию. Артём из тебя веревки вьет. Ты делаешь все, что он потребует, и не способна ко взрослым, разумным поступкам.

– Ты боишься, что я передумаю ехать к папе?

– Именно. Нам остался всего месяц. И за это время не должно ничего случиться.

– А если я пообещаю, что не случится?

– Это исключено. Стоит тебе встретиться с ним, ты забудешь и обо мне, и о папе, и о всех своих обещаниях.

– Но я ведь уеду навсегда и, скорее всего, больше никогда-никогда его не увижу. Мне очень нужен этот месяц. Умоляю! Ты просто не представляешь, как я его люблю...

– Вот именно это меня и беспокоит больше всего.

Через час, когда я пыталась выучить историю, неожиданно раздался легкий стук в стекло.

Я подбежала к окну.

Артём стоял внизу. В руке у него был мобильник, и, стоило мне приоткрыть оконную створку, он тут же протянул его мне.

– Спрячь, – сказал он негромко. – Я тебе напишу.

– Это из-за директрисы, – прошептала я в ответ. – Поговори с мамой. Она сильно обиделась.

– Уже говорил.

– И что?

– Как видишь.

– Ты извинился?

– Сто раз.

– Пообещал, что больше не будешь?

– Тысячу раз.

– Что же делать? – Я по локоть просунула руку через ледяную решетку.

Артём прижался к ней щекой, а потом поцеловал ладонь:
– Потерпи немного. Я обязательно что-нибудь придумаю.
Я задержала дыхание – и тут сзади раздался крик.

– Ах вот откуда сквозняк! – В комнату ворвалась мама.
Резко дернувшись, я едва не сломала руку.

– А ну пошел отсюда! – заорала она на Артёма. – Еще раз увижу – полицию вызову!

– Они не приедут, – спокойно отозвался тот. – Я не совершаю ничего противозаконного.

Задохнувшись от негодования, мама схватила с подоконника банку для полива цветов и выплеснула ее прямо в него. После чего оттолкнула меня и, яростно захлопнув створку, задернула шторы:

– Подойдешь к окну и... – Она замялась, придумывая мне наказание.

– И что? Что ты можешь мне еще сделать?

Тут она заметила телефон, который передал Артём, и, с силой разжав мои пальцы, отняла его.

Ночью приезжала скорая – маме стало плохо с сердцем. Пока врачи снимали кардиограмму, у меня появился отличный шанс сбежать. Но я испугалась, что ей нельзя еще сильнее волноваться. Позже оказалось, что кардиограмма в норме, и доктор прописал ей только здоровый сон и прогулки на свежем воздухе.

Глава 4

Тоня

«Тоня, выручай! Вита не сможет приехать на елку. Ты должна заменить ее. За один день я другую Снегурку не найду».

Лёха написал прямо во время контрольной по алгебре.

Едва я отыскала в телефоне нужную формулу, как поверх нее всплыло его сообщение.

– Осеева! – Математичка метнулась ко мне: – Убери все сейчас же!

Телефон мгновенно исчез в рукаве свитера, но она все равно осталась стоять возле моей парты. Сосредоточиться на задаче не получалось. Если хочешь, чтобы у человека ничего не вышло, просто стой и смотри, как он это делает.

– Можно мне в туалет?

Подозревая, что я буду искать способы списать, учительница смерила меня презрительным взглядом, но все же милостиво отпустила.

Но я еще до туалета не успела дойти, как пришли новые сообщения: «Ну что?»

«Игнор?», «Это значит „нет“?», «Если откажешься, подставишь Амелина», «Меня тоже подставишь», «И маму мою», «Давай договоримся? Я тебе потом тоже что-нибудь

хорошее сделаю».

Лёха писал и писал, как будто сам никогда не учился в школе.

«Завтра уже суббота. Мне нужен ответ прямо сейчас!», «Просто напиши „да“ или „нет“», «Ты в школе?» и, наконец, самое ужасное: «Сейчас я к тебе приеду».

Я ненавидела, когда кто-то из знакомых парней приходил в мою школу.

У нас подобные события всегда вызывали чрезмерный общественный интерес. Все тут же начинали шушукаться и обсуждать. И хотя некоторым девчонкам вроде Насти такое даже нравилось, я просто не выносила находиться в центре столь нездорового внимания.

К тому же это был Лёха – одноклассник Никиты и Тифона, который звездил в соцсетях, имел репутацию бабника и жил в соседнем районе. Его легко мог кто-нибудь опознать, и тогда хватало бы разговоров до конца учебного года.

– Ты обалдел? – закричала я в трубку, как только услышала его голос. – У меня контрольная!

– А у меня форс-мажор, – бойко парировал он. – Пожалуйста, скажи «да», и я от тебя отстану.

– Ладно. Хорошо. Только не пиши больше и не вздумай притащиться сюда.

– Без проблем, – весело откликнулся Лёха. – Удачи на контрольной!

Лёхина мама работала бухгалтером в компании, занимающейся организацией праздников и развлечений. Дела у них шли не особо хорошо. Сокращали расходы на аренду, зарплаты и сотрудников. Однако к Новому году их руководство пыталось воспользоваться горячим сезоном, чтобы подзаработать с минимальными вложениями.

Это рассказал нам сам Лёха, завалившись неделю назад к Артёму. Шел он напрямиком к Костику, а застал на кухне всех нас.

Мы пили чай с эклерами и впятером играли в имаджинариум.

Посиделки получились спонтанные, эклеры тоже. Срок годности у пирожных закончился еще вчера, и Макс потребовал либо немедленно их съесть, либо выкинуть.

С одной коробкой расправились легко, но дальше дело застопорилось.

Ветер завывал в окнах, собака Лана, довольно крупный метис овчарки, попрошайничала возле стола, все смеялись над ней и забавными ассоциативными фантазиями друг друга.

Лёха ввалился продрогший и красный от первого мороза, а увидев четыре раскрытые коробки с разноцветными эклерами, чуть не задохнулся от возмущения:

– Не, ну ни фига у вас пир! На улице дубак дикий, а вы тут кайфуете, – схватил эклер и запихнул его в рот почти целиком.

Какое-то время все – Артём с Витой на коленках, Макс и мы с Костином – молча наблюдали, как Лёха жуёт.

– Да потому, что я голодный! – пробубнил Лёха и, плюхнувшись на табуретку, взял второй эклер. – Вообще-то, я к Амелину шел, но вы можете остаться.

Лёха всегда был немного наглым, но за хорошее чувство юмора ему прощалось почти все.

Быстренько поведав нам о трудностях своей мамы и ее работодателей, он немедленно перешел к делу:

– Короче, нужно по выходным для детей новогодние утренники проводить. В торговых центрах, на ярмарках, ну или куда вызовут. Ничего сложного: сценку разыграть, хоро-воды поводить, песенку спеть. И потом с ними там немного потусить: чисто покривляться и пофоткаться. За четыре часа на нос три косаря. Что скажешь? – Лёха развернулся к Костику: – Ты попляшешь, я спою что-нибудь. Зря меня мама в музыкалку отдавала, что ли?

Артём издевательски хохотнул.

– Ой, да ладно. – Подколы Лёху никогда не смущали. – Мне из своих пацанов позвать некого. Кому я такое предложу? Никитосу? Ярову?

Лёха весело похлопал Амелина по спине:

– Ну, давай решайся. Больно не будет. Просто стишки свои про зиму считаешь, и все.

– Стишки? Про зиму? – Костик поднял на него темный взгляд и низким замогильным голосом продекламировал:

Заковывая холодом природу,
Зима идет и руки тянет в воду.
Река дрожит и, чуя смертный час,
Уже открыть не может томных глаз,
И все ее беспомощное тело
Вдруг страшно вытянулось и оцепенело
И, еле двигая свинцовою волной,
Теперь лежит и бьется головой.

Вита испуганно распахнула глаза, Артём, давясь от смеха,
уткнулся ей в плечо. Макс прикрыл лицо ладонью.
Лёха замер с третьим эклером в руке.

Я наблюдал, как речка умирала, —

Заунывно продолжил Костик.

Не день, не два, но только в этот миг,
Когда она от боли застонала,
В ее сознание, кажется, проник...¹

— Хватит. — Я пихнула его в бок.

Он вздрогнул и заморгал, словно просыпаясь ото сна:

— Ну, какой из меня Дед Мороз?

— Ладно. — Стих Лёху немного отрезвил. — Тогда будешь
как обычно — зайкой. И можно без стихов, только танцы. Те-

¹ Н. Заболоцкий. Начало зимы.

бе что, деньги не нужны?

– Нужны, – признал Амелин.

– Вот и отлично, – обрадовался Лёха. – А Тоня будет белочкой.

– Никаких белок! – отрезала я.

– Может, ты? – Лёха вопросительно посмотрел на Макса.

– Что? Белкой? – Макс неодобрительно покачал головой. – Лёх, ты в своем уме?

– Ну а что? – Лёха шумно отхлебнул чай из моей чашки. – Ты вроде прыгучий.

Макс обиженно фыркнул.

– Максим у нас котик, – рассмеялась Вита.

– Тогда ты. – Лёха тут же перевел взгляд на нее.

Артём крепко прижал Виту к себе:

– У нас все выходные заняты.

– Если нужно, я могу, – неожиданно согласилась она. – И стихи могу выучить. Я их быстро запоминаю.

– Ты чего? – Артём нахмурился. – Серьезно собираешься этими глупостями заниматься? Тебе деньги нужны?

– Вовсе нет. Это же очень приятно. Как будто совершаешь маленькое чудо. Ребенок смотрит на всех этих зайчиков и белочек и верит в них как в настоящих. Я, во всяком случае, когда в садик ходила, верила.

– Да ты и сейчас веришь во все подряд. – Артём прервал ее речь поцелуем, и они стали целоваться так, что Лёха передумал брать четвертый эклер и поднялся:

– Тогда решено. Всем пришлю явки, пароли и сценарий.

– Сценарий? – удивился Амелин. – Речь вроде шла о танцах.

– А, – Лёха небрежно отмахнулся. – Я его сам еще не видел. Мать просила срочно четверых найти, вот я и ищу. Остался один. У вас на примете случайно больше никого нет?

Я сразу же вспомнила о Егоре Петрове, с которым мы поружились только в прошлом году, хотя и проучились вместе в одной школе десять лет. Он был старше меня на год и увлекался видеосъемкой, а летом даже поступил во ВГИК на режиссерский.

В том, что Петров согласится участвовать в представлении, я не сомневалась. Его творческая натура всегда тянулась к любым формам искусства, особенно если затея обещала быть веселой. Так что, сосватав его Лёхе, я и думать забыла про эти елки.

Домой шли вместе с Настей. Я злая из-за контрольной и Лёхиной просьбы, а Настя со слезами на глазах, всю дорогу ожидая, что я начну расспрашивать, что случилось, но я не спрашивала.

Наконец она не выдержала:

– Он меня не любит.

– Опять не тот смайлик прислал?

– Нет. Теперь точно.

– Не написал «доброе утро»?

– Ему нравится другая девушка. Зоя. Помнишь?

– Та самая Зоя?

– Да. Рыжая.

Пока Настя не сказала про Зою, я была уверена, что она все сочиняет, но, вспомнив рыжих сестер, смягчилась. Зоя мне не нравилась. Точнее, сама по себе она вроде была ничего, но то, как с ней все носились, раздражало.

Когда мы жили в Капищено, отовсюду только и слышалось: «Зоя то», «Зоя се»... Почему-то всегда было очень важно, чтобы все, что ни делалось, понравилось Зое.

Лёха, Тифон, Никита со своим сводным братом Ваней, Макс, лучший друг Артёма, и даже Петров с Герасимовым втянулись в этот дурацкий флешмоб под названием «Что скажет Зоя?».

Прежде чем взять что-либо из холодильника, я, видите ли, должна была «проинформировать Зою». Хотя большинство продуктов покупали Макс с Артёмом, а на остальное скидывались все вместе.

Зоя наставила повсюду вазы с цветами, чтобы они якобы перебивали вонь краски, но смесь этих запахов вызывала еще большую тошноту.

Я относилась к Капищено как к чему-то своему, родному, потому что однажды умерла в нем и родилась заново, а Зоя вела себя там как хозяйка: переставляла мебель, перевешивала картины и входила в комнаты без стука.

Зоя была девушкой Тифона, однако по каким-то неясным разговорам складывалось ощущение, что до его приезда в Капищено она неплохо проводила время с Максом. И что вроде бы существовало даже видео, где они спят в одной постели.

Все, правда, в один голос уверяли, что оно постановочное, но, как по мне, лучше бы уж Зоя встречалась с Максом. Потому что Тифону она никак не подходила. Он был серьезный, решительный и смелый, а Зоя только и умела, что смеяться и трясти рыжей гривой.

Амелин считал, что я тайно влюблена в Тифона и ревную.

– И он, он... Он выбрал ее. Представляешь?

В завершение своего рассказа Настя всхлипнула и разрыдалась.

В том, что дело закончится слезами, я не сомневалась.

– Seriously? – Я не могла поверить своим ушам. – И ты не разбила ему эту тарелку о голову?

– Нет, конечно. – Настя трагично вздохнула. – Это же его выбор.

– Вот козел! – искренне возмутилась я.

– Нет, знаешь, он писал потом... Объяснял. Просил не обижаться. Сказал, что сделал это потому, что я не ем сладкое, но я никак не могу избавиться от чувства, что это неправильно.

– Ну и пошли его на фиг.

– Ты что? Как я могу?

– Берешь и посылаешь. Делов-то.

– У тебя всегда «чуть что – сразу посылаешь», а я не такая, я не умею. И не хочу.

– Тогда не жалуйся. Небось еще и сказала, что прощаешь.

– Нет. Я сказала, что для меня это не имеет значения.

– В таком случае не знаю, чем тебе помочь.

Настя снова заплакала, только теперь в голос. Шла и ревела крокодиловыми слезами как маленькая.

– Я уродка, и меня никто не любит.

– Ты красивая, и тебя все любят. – Я остановилась, вытерла ей лицо ладонями и крепко обняла.

– Кто «все»?

– Герасимов тебя любит, и я люблю. И Егор, кажется, любит... И Валера твой. Он еще тебе пишет?

– Пишет. Но вы не считаетесь. Я хочу, чтобы меня Никита люби-и-ил.

– Он тоже тебя любит.

– Не-е-ет!

– Идем ко мне. – Я обхватила ее за плечи. – Подумаем, что делать.

А пока шли через дворы и забежали в «Пятерку» купить колу, я уже придумала.

– Поверь, для тебя это реальная возможность заявить о себе. Лёха обязательно выложит кучу фоток. О тебе узнает столько людей. И все начнут писать, какая ты красивая. И

Никита это обязательно увидит. Уверена, ему будет о чем поразмышлять. Считаю, что это твой звездный час. Я поеду с вами, возьму у Петрова камеру и наделаю таких фоток, что твой Никита в осадок выпадет. И его рыжая Зоя тоже.

– Почему его? – испугалась Настя.

– Так просто, к слову пришлось.

– А ты чего не хочешь?

– Ну какая из меня Снегурочка? Я же не умею никого развлекать, тем более детей. Да еще и с красными волосами... Сама посуди. А у тебя они очень подходят. Заплетешь их в косу – красота будет неопишущая!

Почему-то слова насчет волос показались Насте наиболее убедительными, и она немедленно согласилась.

Никаких зайчиков и белочек в сценарии не было. Зато там были Дед Мороз, Снегурочка, Олень и Лихо из Темного леса, укравшее волшебные елочные игрушки.

Сюжет сказки новизной не отличался. Снегурочка с Оле-нем отправляются в Темный лес, где Лихо в обмен на игрушки требует от детей выполнять разные задания: читать стишки, петь песенки, танцевать. А потом признается, что укра-ло игрушки, потому что встречать Новый год в одиночестве очень грустно. Снегурочка приглашает Лихо к ним на праздник, и все радостно водят хороводы, после чего зовут Деда Мороза, который раздает детям подарки.

Роли Лёха распределил сам. Себя он назначил Дедом Мо-

розом, а Олень и Лихо спихнул на Петрова с Амелиным. Олень должен был подначивать детей выполнять задания, а Лихо дразнить и смешить одновременно.

С Амелиным Лёха не прогадал. Настя сделала ему начес и нанесла тени так, чтобы вокруг глаз получились темные круги, а когда он натянул бесформенное реквизитное тряпье, то окончательно превратился в настоящую лесную нечисть.

Рога Олень и объемное коричневое кигуруми Петрову тоже вполне подошли, хотя в нем Егор больше напоминал суетливого детеныша оленя, нежели взрослое благородное животное.

А вот Дед Мороз из Лёхи вышел никакущий. Слишком активный, с яркими молодыми глазами, чересчур много ржущий и постоянно жующий жвачку. Даже пожелтевшая и волнящая табаком борода его не спасала, оставалось надеяться только, что дети маленькие и ничего из этого не заметят.

Костюмы были не бог весть какие, и красный бархатный халат Деда Мороза не особо отличался от драной рубахи Лихо. Кроме того, в рюкзаках все ужасно помялось, а один рог Олень перекрутился и странным образом торчал в сторону.

Зато Настя выглядела идеально. Худенькая, стройная, с аккуратной белой косичкой, длинными черными ресницами, в голубом, расшитом белым бисером и почти немятом сарафане.

Выступать предстояло на свободной площадке между Детским центром и фуд-кортом, где вместо нормальной ел-

ки стоял огромный картонный принт с ее изображением.

Поначалу детей было немного. Человек семь-восемь – те, кто пришел заранее и ждал начала представления. Остальные стали подтягиваться по ходу. Кто-то услышал крутившееся в динамиках жизнерадостное объявление о новогодней сказке, а кто-то просто шел мимо с родителями и захотел посмотреть. Потом появились и такие, кого притащили насильно. Этих я понимала лучше всего. Когда-то и меня так таскали. Вспомнив об этом, я вдруг поняла, что впервые пришла на елку охотно и без волнения.

Хотя на самом деле волноваться стоило, но это уже выяснилось потом.

Из динамиков за принтом заиграла «В лесу родилась елочка», и, мелко семеня, в центр условной сцены выплыла Настя. Подняла с пола маленькую красную коробку и стала делать вид, что наряжает елку. Доставала из нее один из трех золотистых шариков и будто вешала его, а на самом деле снова клала в коробку.

Вооружившись камерой Петрова, я усиленно принялась фотографировать. Кадров сразу вышло штук двадцать. Музыка продолжала играть, а Настя все наряжала и наряжала. Дети затаили дыхание, но ничего больше не происходило. Я прекрасно помнила, что по сценарию она должна поздороваться с залом, рассказать о том, что до прихода Деда Мороза ей нужно успеть нарядить елку волшебными игрушками, а потом отвернуться, чтобы Лихо, подкравшись с другой

стороны, могло своровать игрушки.

Но Настя, не в силах произнести ни слова, молча зависла возле елки. Зрители ждали, слышались нетерпеливые детские голоса.

К счастью, в отличие от Деда Мороза, который еще без халата и бороды увлеченно болтал с девчонкой, продающей мороженое, Зло не дремало.

Комично растопылив скрюченные пальцы, Лихо подкралось к Снегурочке сзади и наставило рожки. Дети захихикали.

Настя огляделась, однако по-прежнему не проронила ни звука.

– Волшебные игрушки! – Лихо подняло коробку и победно потрясло ею над головой: – Если я их украду, Новый год никогда не наступит.

Настя растеряннo захлопала глазами.

Дети дружно заголосили, пытаясь предупредить ее об опасности. Амелин показал им язык и исчез. С другой стороны выскочил Олень и, чересчур нервно проорав: «Бежим в Темный лес!» – потащил Настю за собой.

Даже утренники пятых классов смотрелись убедительнее. Однако дальше дело пошло веселее.

И хотя Настя на протяжении всего выступления продолжала молчать как партизан, а Петров нес невообразимую отсебятину, Амелин принял весь удар на себя и раскрылся с совершенно неожиданной стороны: очень смешно гримасни-

чал, пританцовывал и все-таки сумел прочесть пару вполне безобидных стишков. Малышня пребывала в восторге, и после финального аккорда с Дедом Морозом они облепили Амелина как мухи. Висели на руках, дергали за рубаху, задирали и обнимали одновременно, а очередь фотографироваться с ним тянулась еще полчаса, тогда как востребованность Деда Мороза и Снегурочки закончилась минут за десять. Отчего я испытала необыкновенную симпатию и благодарность к этим детям. За то, что они смогли увидеть и почувствовать то же, что и я. Что полюбили его таким, какой он был на самом деле.

После этого выступления все ребята отправились по своим делам, а мы с Амелиным никак не могли разойтись, застряв возле моего подъезда. Дома у него как тигр в клетке метался взбешенный Артём, а у меня были родители.

Шел снег, и уже темнело, но, если крепко прижиматься друг к другу, становилось тепло и хорошо. Чувствовалось приближение Нового года.

Белки больших черных глаз Амелина блестели в ореоле темных нарисованных кругов. От него пахло гримом и теплом. Несколько прядок волос заledenели, а дыхание, наоборот, было горячим, и легкие облачка пара, вылетающие из рта, то и дело притягивали взгляд. Я невольно ловила их губами, и мы целовались.

Раньше я терпеть не могла зиму с ее промозглой город-

ской серостью, солевыми лужами, вечно затянутым свинцовым небом, а теперь странным образом все изменилось.

– Что бы ты сделал, если бы меня, как Виту, посадили под домашний арест?

– Пришел бы к тебе через зеркало.

– Как это?

– Через зеркальный лабиринт отражений. Не знаешь, что ли? Вошел в зеркало у нас в квартире, а вышел в твоей комнате. А потом, если бы ты захотела, увел тебя с собой.

– Ну вот чего ты сразу начинаешь?

– Честно? – Он лукаво посмотрел из-под заледеневшей челки. – Я бы ничего не делал.

– Так я и знала! Ты бы с мазохистским упоением слушал грустную музыку, учил новые стихи и страдал.

– Не страдал, а работал бы над эмоциональным фоном.

– Значит, грош цена твоим словам, Амелин, про «долго и счастливо».

– Это были твои слова.

– Но ты же тогда согласился.

– Я и сейчас согласен.

– Тогда почему не стал бы ничего делать?

– Потому что ты сбежала бы сама и заявила ко мне с претензией, что не можешь столько ждать.

– Ну, вообще-то, да!

– У терпения есть много плюсов.

– Думаешь, я за тобой бегаю?

– Ну а кто приехал ко мне в деревню и насильно там поселился? Кто гнал за мной из «Хризолита»? – Его улыбка светилась. – Конечно, ты за мной бегаешь. Другого и быть не может.

Я отпрянула назад, но он удержал, а затем, быстро распахнув пальто, застегнул его с нами обоими внутри.

– Слушай, Амелин, с каких пор ты стал такой наглый?

Чтобы видеть его лицо, пришлось запрокинуть голову, и на ресницы тут же налипли снежинки.

– Да я совсем не возражаю. – Меня окутало срывающимся с его губ облаком пара. – Бегай, пожалуйста.

– Это уже не смешно. Я никогда в жизни ни за кем не бегала. И не буду! Ясно тебе?! Просто уясни себе это раз и навсегда!

– Хорошо.

– Что «хорошо»?

– Уяснил.

– Кость, – прошептала я серьезно. – Если ты еще что-то такое выкинешь, я тебя убью, честное слово.

Он засмеялся, и я впила пальцами ему в ребра:

– Я не шучу.

Глава 5

Вита

Никогда прежде я не приходила в школу с несделанными уроками. Даже во время нашей прошлой ссоры с родителями я всегда продолжала учиться, потому что не могла иначе.

Но вчера все пошло кувырком. Из-за долгих слез голова была ватная и абсолютно пустая. А бессонная ночь и вовсе превратила меня в подобие зомби.

Поэтому, когда историчка попросила рассказать о предпосылках Февральской революции, я честно призналась, что не учила.

– Как не учила? – Историчка удивленно округлила глаза. – Но ты же хоть что-то помнишь из того, что я рассказывала?

– Монархическая система не справлялась с изменениями и не могла поддерживать новый тип экономики. На заводах работать было некому, сильно вырос внутренний долг, а несколько неурожайных лет привели к тому, что страна голодала.

– Замечательно! – обрадовалась историчка. – У тебя отличная память!

– Вот, крыса, – прошипел сзади Дубенко. – Нарочно набивала себе цену.

Послышались противные смешки.

– Тишина! – шикнула учительница. – Продолжай, Вита.

– К концу тысяча девятьсот шестнадцатого года государственная власть была дискредитирована фигурой Григория Распутина, оказывающего сильное влияние на царя через императрицу Александру Федоровну.

– А можно подробнее? – снова вылез Дубенко. – Как это – через императрицу?

– Мы тебе, Дубенко, потом дадим слово, – пообещала историчка.

– А правда, что Распутин был половым гигантом? – выкрикнул Зинкевич.

– Пусть Котова доклад на эту тему подготовит, – заржал Тарасов. – Со слайдами.

И все снова стали гоготать.

Раньше их компания во главе с Дубенко постоянно доводила меня, но потом, когда по просьбе Артёма с ними «поговорил» Тифон, о моем существовании они забыли. Однако после лета они снова стали донимать.

ОБЖ вел трудовик. Уроки проходили в классе музыки, потому что он находился рядом с кабинетом труда и после шестого урока почти всегда был свободен.

– Итак, тема: «Контртеррористическая операция и условия ее проведения», – прогнусавил трудовик занудным голосом. – Котова, подъем.

– Я не учила, – сказала я.

– Она и на истории так говорила, – крикнул кто-то. – Спросите ее про Распутина.

Глупость моих одноклассников была безгранична.

– Про Путина у нас в другом параграфе, – сострил в том же ключе трудовик.

Все снова заржали и долго не могли успокоиться.

– Так, пацаны, сидим тихо. Ну так что, Котова? Что там у нас с контртеррористической операцией?

– Просто поставьте мне двойку.

– Двойку? – Трудовик прищурился. – Любую оценку нужно заслужить. Даже двойку, а ты пока еще ничего не сделала.

Ему очень нравилось красоваться перед парнями. Наверное, в нашем возрасте он был одним из вот таких приспешников кого-то вроде Дубенко.

– Я, конечно, понимаю, что ты – золотая медалистка, но тебе должно быть стыдно, что вместо судьбы своей страны тебя интересует какой-то там Распутин.

Я хотела сказать, что Распутин – это тоже судьба моей страны, но тут с задней парты послышался громкий ритмичный стук.

Все резко обернулись – и я в потрясении замерла.

С самой дальней парты, сияя довольной улыбкой, медленно поднялся Артём. В руках у него было мое пальто.

– Я ее забираю, – объявил он.

– Не понял, – растерялся трудовик.

Артём ловко запрыгнул на стул, с него на парту, перебе-

жал на крайнюю и, встав одной ногой на подоконник, распахнул окно.

В класс тут же ворвался пронизывающий морозный ветер. Шторы шумно затрепыхались.

– Я сейчас охрану вызову! – Трудовик переминался с ноги на ногу, но ничего не делал.

– Правильно. – Артём рассмеялся. – Как раз обсудите контртеррористическую операцию.

– Офиге-е-еть! – пораженно протянула Евсеева.

Это было представление, по ходу которого даже у Дубенко пропал дар речи.

Из окна сначала прыгнул Артём, за ним я.

– Ты же не думала, что я буду сидеть сложа руки? – У него было абсолютно счастливое лицо.

Голубые глаза блестели, изо рта шел пар, от куража удачной выходки и радости нашей встречи он был весь взбудоражен и светился, как мальчишка, совершивший удачный набег на яблоневоый сад.

Чтобы не пробираться через сугробы, мы пробежали по дорожке к дальней, всегда запертой калитке. За ней нас ждал Макс.

Прутья забора были ледяные, пальцы сводило. Артём подсадил, и я повисла на животе. Перекинуть ногу через перекладину, когда на тебе юбка и пальто, не так-то просто.

– Давай быстрее! – Макс нервничал, но Артём все еще

веселился.

– Ща, погоди, руки погрею, – откликнулся он, продолжая держать ладони у меня на попе.

– После погреешь. Назад посмотри.

Мы повернули головы. Со стороны школы к нам мчался Носков. И он был уже настолько близко, что я могла различить шнурки на его ботинках.

– Вот черт! – Артёму стало не до шуток.

Макс подпрыгнул, дернул меня за пальто, и в ту же секунду я, кувырнувшись, оказалась у него на руках.

Следом прилетела моя сумка.

Однако Артём перелезть через забор не успел. Носков стащил его за ногу и повалил.

– Уматывайте, – крикнул он нам.

– Бежим, – Макс потянул меня за собой.

Но я не двинулась с места:

– Пожалуйста, помоги ему.

Громко выругавшись, Макс с легкостью перепрыгнул через забор и попытался оттащить Носкова. Произошла невнятная потасовка. Я вообще не поняла, как так вышло, но в один момент и Артём, и Макс странным образом прилипли к решетке. Приглядевшись, я увидела, что они оба пристегнуты наручниками, продетыми сквозь прутья. Один браслет на запястье Артёма, другой на руке Макса.

Артём бесился и сыпал проклятиями. Макс извивался молча.

Носков остановился напротив меня. Нас разделяли черные прутья.

– Идем домой.

– Отпустите их!

– Тебя отведу и отпущу.

– Они замерзнут.

– Если поторопишься – не успеют.

А в субботу Артём предпринял очередную попытку переговоров.

У мамы была старая советскаяпельменница, которой не пользовались лет семь. Но с чего-то вдруг она решила наделатьпельменей и усадила меня помогать.

Мама раскатывала тесто и покрывала импельменницу, а я закладывала в отверстия дляпельменей фарш.

– Думаешь, я никогда не была молодой? – Она активно орудовала скалкой. – Все это у нас тоже случалось. Детские страсти – любовь до гроба. Не у меня, конечно. Меня в то время занимали гораздо более важные вещи. Учеба, например. Потому что и цель была, и смысл: человеком стать. Культурным, образованным, в столице жить, ходить на выставки и в театры. Книжки читать. И уважать себя, и чтобы другие уважали. И чтобы, если семья, то с мужчиной достойным, а не двадцатилетним оболтусом, у которого и мозгов-то еще нет.

А вот у моих подружек и одноклассниц такие романы кру-

тились – «Санта-Барбара» отдыхает. Насмотрелась я на их слезы и сопли вдоволь. И ты думаешь что? Ничего! Ни у кого из них ничего хорошего из этого не вышло.

– Ты мне все это уже много раз говорила, – скатав пальцами шарик из фарша, я аккуратно пристроила его в последнюю свободную ячейку.

– Много раз. – Она шлепнула пласт теста поверх мясных кружочков и принялась яростно его уплотнять. – Тогда в чем проблема? Откуда у нас этот конфликт?

– Ты очень правильно и разумно все говоришь, – я старалась говорить аккуратно, чтобы не злить ее лишний раз. – И я ни капельки не сомневаюсь в твоих словах, но в них нет ни одного про чувства. Про то, что они есть и тоже являются частью человека, как и мысли. Пусть даже и вызванные гормонами. Что в этом плохого?

– То, что эти твои чувства – дым. И когда он рассеивается, ты обнаруживаешь себя посреди пепелища: разруха и пустота.

– Нет, мам, извини, но ты хоть и умная, но иногда можешь ошибаться. Никакой это не дым. Чувства – это свет, который тебя греет. Это и счастье, и радость одновременно. Это то, что поднимает каждое утро тебя с постели и ведет сквозь непроглядную тьму, как пылающее сердце Данко. Ты бережно несешь их и очень боишься потерять. Ведь именно ради этого люди и ходят на выставки и театры, а не для того, чтобы поставить плюсик своей культуры.

– Вот это я и называю незрелостью. Ты сама-то хоть видишь, в чем разница между детским идеалистическим сознанием и взрослым жизненным опытом?

– Вижу. Ты ждешь, что все будет плохо, а я – надеюсь на хорошее.

Мама с грохотом швырнула скалку на стол и принялась со злостью выдавливать пельмени из отверстий. Они падали на стол, и я выкладывала их рядами на деревянную доску.

– Что ты от меня хочешь?

– Ты сама завела разговор.

– Да! Потому что там, в Америке, у тебя будут десятки таких Артёмов. Или Джонов... Не знаю. В общем, свет клином на нем не сошелся. Главное, ты сможешь сама реализоваться как личность. Стать тем, кем мечтаешь, и заниматься всю жизнь любимым делом. Потому что с мужчиной можно расстаться, а любимое дело – это навсегда.

– Ты знаешь, о чем я мечтаю, но ты против. Не думаю, что в Америке что-то изменится. Я вообще не уверена, что мне стоит туда ехать. Мне не нужны десятки Джонов.

Она так плотно сжала губы, что они побелели.

– Так я и знала, что этим все закончится.

В этот момент раздался звонок в дверь, я вскочила с табуретки, но мама оказалась быстрее. Кинулась мне наперерез, подлетела к двери и прижалась очками к глазку. По выражению ее лица я сразу поняла, что это Артём.

– Любовь Ильинична, – крикнул он. – Откройте, пожа-

луйста. Я хочу просто с вами поговорить.

– Откроешь? – с надеждой спросила я.

– Еще чего. – Она вытерла руки о фартук. – Я открою, а ты сбежишь.

– Поговори с ним. Он же извинился.

Звонок снова жалобно звякнул.

– Мне с тобой не о чем разговаривать. Уходи! – ответила она громко и в ту же минуту с возмущением отпрянула от двери.

– Что там?

– Комедию ломает.

– Можно мне посмотреть?

– Нет. – Она заслонила глазок ладонью.

– Что он делает?

– На колени встал, идиот.

И она снова приникла к глазку:

– Уходи! И перестань нас терроризировать.

– Я очень люблю Виту! – услышала я. – Я согласен на все ваши условия, только выпустите ее, пожалуйста.

Привалившись спиной к двери, мама зажмурилась:

– Какой стыд! Орет на весь подъезд.

– Выйди к нему сама, – предложила я. – Тогда я точно не сбегу.

– Отправляйся сейчас же к себе! – Она затолкала меня в комнату и, закрыв поплотнее дверь, чтобы не слышать криков и звонков, тоже осталась.

Мы сидели молча, пока все не стихло.

– Я тебе этого не прощу, – сказала я в наступившей тишине. – В тот раз простила. А теперь уже не смогу. Ты очень злая, мама. И жестокая. Когда я была маленькая, считала тебя самой лучшей. Самой доброй, умной и справедливой. Но теперь вижу, что это не так.

Она не отвечала. Сидела спиной ко мне и вытирала белыми от муки руками струившиеся из-под очков слезы.

Через полчаса за кухонным окном появился подвешенный на веревке букет роз. Он болтался туда-сюда на ветру, как красный маятник, и не заметить его было невозможно.

– Ты погляди-ка. – Мама всплеснула руками. – Он меня еще и дразнит.

Открыв окно, она притянула шваброй веревку с букетом к себе, обрезала ее ножиком и выкинула цветы в снег.

Всю эту ночь и половину воскресенья Артём играл на виолончели мои любимые песни. Я закрывала глаза и представляла, что он рядом.

Пару раз мама грозилась пожаловаться на шум, но, к счастью, все-таки этого не сделала. Потому что на самом деле ей тоже очень нравилось, как он играл. И это, кажется, единственное, что она в нем одобряла.

Глава 6

Никита

Я проснулся от яростного клацанья.

Дятел в пижаме и огромных наушниках сидел перед монитором и нервно дергал мышкой. На темном фоне экрана хаотично мелькали флуоресцентно-синие и красные штуки, напоминающие жуков. Колено его тоже дергалось, ноздри раздувались, губы беззвучно шевелились.

Судя по тревожной взвинченности, он отражал атаку.

Мы делили с Дятлом комнату больше года, и я почти привык к его ранним подъемам, но раньше его утро никогда не начиналось с игр. Однако, с тех пор как он променял свой драгоценный ЛОЛ на «Старкрафт», я уже ничему не удивлялся.

Из-за одного дурика ботана типа него самого Ваня совершенно съехал с катушек.

Я и подумать не мог, что он может быть таким упертым. Нет, я знал, что Дятел доставучий и настырный, но сам он в конфликты обычно не лез, а ради сохранения мира с легкостью шел и на уступки. Теперь же его переклинило.

Целыми днями он вынашивал планы, как умыть этого Маркова, который нарочно провоцировал других на споры и открыто нарывался, выставляя себя самым умным. По-

добного золотой медалист Дятел, посвятивший всю свою школьную жизнь учебе, стерпеть никак не мог. Его возмущало не столько самомнение еще не окончившего одиннадцатый класс Маркова, сколько его «невоспитанность» и «отсутствие скромности».

Причем прямолинейного и порой откровенно грубого Тифона Дятел никогда не обвинял в невоспитанности, а обожающего прихвастнуть Лёху Криворотова – в отсутствии скромности. Марков же стал для него воплощением зла.

Услышав, что он играет в «Старкрафт», Ваня решил провернуть аферу.

Он потратил около двух месяцев изучая эту игру и прокачивая навыки, для того чтобы под видом таинственного незнакомца вызвать Маркова на дуэль. Однако, чтобы стать профи, двух месяцев оказалось недостаточно, а на большее терпения Дятлу не хватило. Поэтому, когда Марков его разгромил, Ваня завелся еще сильнее.

И теперь каждую свободную от учебы минуту постоянно играл в эту «очень сложную стратегическую игру на логику, расчет и координацию действий».

Я достал телефон. На экране висело ночное сообщение от Насти:

«Извини, завтра встретиться не получится. У меня болит горло».

Я чувствовал, что она продолжает обижаться, и уже сто

тысяч раз раскаялся, но снова заводить тему про пирог и Зою не решался.

Воскресенье всегда сложный день. Дома сразу все: и папа, и Аллочка, и Дятел, и, разумеется, бабушка.

Они постоянно ходят туда-сюда, громко переговариваются или что-то ищут. Каждый вроде бы хочет отдохнуть, потому что выходной, но в итоге не может.

Бабушка жалуется, что у нее выходных не бывает, из-за чего Аллочка чувствует себя виноватой, и ей приходится торчать вместе с ней на кухне, выполняя распоряжения.

А папа вечно что-нибудь ремонтирует. Не успевает починить одно, как ломается другое. Он считает, что мы вчетвером ведем против него подпольную войну.

Сегодня он пытался починить пылесос. Я знал, что ему не хочется это делать и он давно принял решение купить новый, но пока про это молчал, чтобы не ссориться с бабушкой. Ведь «дедушка все в доме чинил сам».

Дятел же, в отличие от папы, очень загорелся идеей раздобыть пылесос. Даже отвлекся от компьютера и ходил вокруг, давая советы. Папа заметно злился, но терпел. Аллочка его жалела – она тоже была за то, чтобы купить новый пылесос.

Но бабушкино слово у нас – закон, а непоколебимая уверенность Дятла в том, что починить можно что угодно, заставляла его, сидя в коридоре на полу, серыми от пыли руками в тысячный раз прочищать какие-то фильтры.

С родителями всегда сложно, даже если ты уже взрослый и сам родитель. Папа, конечно, любил бабушку, и Аллочка вроде любила, но та привыкла жить по-своему и постоянно всеми руководить. Ей и в голову не приходило, что может быть как-то иначе. И что, возможно, папа хотел бы весь день проваляться в кровати с книжкой или просмотреть целиком сезон «Фарго».

Единственный отдых, который бабушка одобряла, – культурный, и папа с Аллочкой могли побыть вдвоем, только когда шли на выставку или в театр, мало чем отличаясь от нас с Настей.

– Хочешь, я его выкину? – предложил я папе, когда Дятел на пару минут ускакал в нашу комнату. – Мне несложно. Ведь, даже если ты его починишь, лучше он работать не станет. У него плохая тяга и мешок забивается каждые пятнадцать минут. Ему уже лет сто, наверное.

– Тридцать. – Папа с благодарностью посмотрел на меня. – Но бабушка не разрешит.

– А я не буду спрашивать.

– Это нехорошо.

– Давай я его сейчас заберу, выкину и поеду куплю новый. Это часа три займет, не больше. А сидеть ты тут будешь до ночи. У нас же есть деньги на новый пылесос?

– Есть. Но... Бабушка будет очень недовольна.

– Пап, – я послал ему многозначительный взгляд, – нам что важнее: чистота или бабушкины воспоминания о том,

как она стояла в очереди за этими пылесосами, которые они взяли на весь отдел?

– Чтобы купить новый пылесос, нужно разобраться, какой хороший, а какой нет.

Папа задумчиво разглядывал свои грязные руки.

– Пока буду ехать – погуглю. Ну, решайся! Свалишь на меня. Что не видел, не заметил... Просто, если его не выкинуть, она все равно заставит тебя его чинить, даже если появится новый.

Собрался я моментально – все равно искал повод куда-нибудь смотаться. Так что тема с пылесосом подвернулась очень удачно, и, пока Дятел рылся в шкафу с инструментами, я умчался из дома, прихватив пылесос.

Почти бегом дошел до контейнеров, зашвырнул туда отслуживший свое агрегат и уже спокойно, глубоко вдыхая морозный воздух, направился к автобусной остановке.

Однако дойти до нее не успел: где-то на середине пути позвонила Нина:

– Горелов, привет! Можешь зайти к нам?

– Прямо сейчас?

– Да. Это срочно.

Резко развернувшись, я торопливо зашагал к дому Мирновых.

Дверь открыла Нина в коротком домашнем халатике.

В квартире стояла подозрительная тишина и лишь из

единственной комнаты едва слышно доносилась спокойная, мурлыкающая музыка.

– Что произошло? – с порога спросил я.

– Раздеться не хочешь? – поинтересовалась она с загадочным выражением лица и, пока я расшнуровывал ботинки, стояла надо мной, сверкая голыми коленками.

Повесив куртку на вешалку, я по привычке направился на кухню, но Нина указала на комнату.

Комната у них была большая, полностью заставленная мебелью и заваленная всяким барахлом. Половину свободного пространства занимал разложенный диван-раскладушка, в углу возле окна стояла детская кроватка и пеленальный столик.

Я остановился напротив зеркального шкафа, а Нина позади меня.

– Где же твои?

– В гости уехали. До вечера.

– А Зоя? – Я повернулся к ней и в ту же секунду обмер.

Перламутрово-розовый халат распахнулся и соскользнул к ее ногам.

Нина под ним была абсолютно голая.

Глубоко вдохнув, я машинально отшатнулся. Нина сделала шаг ко мне.

Последний раз я находился в таком потрясении, когда разыскивающие Артёма отморозки силой запихнули меня в свою машину и грозились убить.

– Так я, по-твоему, некрасивая?

В горле внезапно пересохло. Пришлось откашляться:

– Я такого не говорил.

– Значит, красивая? – Ухватив меня за запястье, она настойчиво потянула на себя, и я снова чуть не задохнулся.

Вспомнил вдруг, как Лёха с Тифоном обсуждали подобные ситуации. Разговор был шуточный и больше по приколу, но в ответ на Лёхины притворные жалобы по поводу домогающихся поклонниц Трифонов сказал:

– Из всех непоняток с бабами – эта тема самая простая.

В тот момент я был с ним полностью согласен, и только сейчас с катастрофической ясностью понял, что ничего простого в ней нет.

Крепко прижавшись всем телом, Нина сунула одну руку мне под свитер, а второй переложила мою ладонь к себе на попу. Очень мягкую и упругую.

– Ты мне тоже нравишься, Горелов.

Я застыл как истукан, не понимая, что предпринять.

Сколько раз я проигрывал себе подобный сценарий с участием Зои... Но здесь он совсем не подходил.

Пытаясь высвободиться, я качнулся назад, однако Нина с силой потянула на себя, и мы завалились на раскладушку дивана. Ее коленка прижала мое бедро.

– Нина, уйди, – сдавленно прошептал я.

Но она принялась так требовательно целовать меня в губы, что я все же немного поплыл, и за это время ей удалось

стащить с меня свитер.

Тифону все было просто там, где не нужно вести разговоры. Но мне для того, чтобы решиться применить к девушке силу, пусть даже это Нина, понадобилось немало мужества.

Ее руки прошлись по моему телу, и, обрадовавшись произведенному эффекту, она немного ослабила хватку.

Я тут же вскочил.

– Ты меня за этим позвала? – Собственный голос показался чужим.

– Ага. – Нина бесстыдно откинулась на спину.

Я отвернулся, но в зеркале шкафа все равно видел ее отражение.

– Вы поссорились с Ярославом, и ты хочешь ему отомстить?

– Не-а. – Нина перевернулась на бок и подперла голову рукой.

Я огляделся по сторонам в поисках камер.

– Готовишь какую-то подставу?

– Откуда такие подозрения, Горелов?

– Потому что я тебя знаю!

– Я тоже думала, что знаю тебя. Но ошибалась... В тебе что-то есть. И я хочу это проверить.

– Хватит, – оборвал я, начиная по-настоящему злиться. – Я домой.

Вышел в коридор, чтобы обуться, но потом, сообразив, что свитер остался валяться на кровати, вернулся.

– Уйдешь – пожалеешь, – заметив, что я собираюсь забрать свитер, Нина быстро схватила его.

– Уже жалею. – Я протянул руку. – Отдай, пожалуйста.

– А чего ты такой стеснительный? Прямо как Соломин.

Я представил, как Нина потом будет рассказывать про это. Она ведь нарочно перевернет все так, чтобы выставить меня дураком. И смеяться будут все. Даже Лёха с Тифоном. Потому что ситуация и в самом деле глупая.

Единственным спасением теперь было лишь удержание принципиальной, идеологически верной позиции.

– У меня есть девушка, – серьезно объявил я. – Верни свитер!

– Неужели? Девушка? Эта та, которой не достался пирог счастья? – Нина расплылась в притворной улыбке. – Скажи честно, ты правда Зойку все еще любишь?

Быстро наклонившись, я схватил свитер, но Нина рванула его на себя, и я снова завалился прямым на нее. У нас завязалась борьба. Я старался отобрать свитер, а она, обхватив меня ногами, яростно полезла с поцелуями.

Все это длилось от силы пару минут, пока над нашими головами не раздался удивленный возглас:

– Ого! Не ожидала, что у нас гости.

Возле кровати стояла Зоя и смотрела на нас с потрясением.

– А я не ожидала, что ты припрешься так рано, – огрызнулась Нина, выпуская из рук свитер.

Я моментально натянул его и поднялся. Зоя осуждающе покачала головой.

– Что?! – вспыхнул я.

– Ничего. Просто неожиданно.

– Да, блин, я же думал, что-то случилось. Нина так сказала.

– Не нужно оправдываться. Мне вообще нет никакого дела до того, кто с кем зажигает.

Тряхнув волосами, Зоя отправилась на кухню.

– Никто не зажигал. – Я побежал за ней. – Даже близко не было.

– У Горелова спички промокли, – крикнула нам вслед Нина и противно засмеялась.

– Фу! – Зоя передернула плечами. – Какая же она бывает мерзкая.

– Да-да, – охотно подтвердил я. – Совершенно с тобой согласен.

Зоя стала лихорадочно разбирать стоявшие на столе пакеты с продуктами. Обтерев взмокшее лицо рукавом, я прикрыл кухонную дверь.

– Можешь объяснить, что ей от меня нужно?

– Понятия не имею.

– Клянусь, она сама...

– Никит, я прекрасно знаю свою сестру. – Зоя понизила голос. – Все зависит от того, как ты сам к этому относишься.

– Ну ты чего? Конечно же, плохо отношусь! Мне вообще

за пылесосом ехать нужно.

– Вот и поезжай. – Она вернулась к своему прежнему занятию.

Достав из посудного шкафчика чашку, я наполнил ее водой из-под крана и залпом выпил.

– Это все из-за Юэбеня?

– Чего?

– Ну, пирога того лунного. Из-за того, что я отдал его тебе?

– Типа того. – Зоя брякнула о стол консервной банкой. – Она теперь делает что угодно, лишь бы обидеть меня.

– Но должна же быть какая-то причина?

– Причина? – Зоя задумалась. – Если узнаешь, расскажи мне.

Я еще немного постоял, глядя, как она возится, и решил, что вряд ли добьюсь большего.

– Ты там звони, если что.

Она обернулась. Ее дымчатые глаза были отчего-то полны тревоги:

– Можешь честно ответить на один вопрос? Эта девочка Тоня... Тебе Тифон про нее говорил?

– Говорил, конечно. Они же вместе в передрагу с машиной попали.

– Нет, что он говорил конкретно о своем отношении к ней?

– Конкретного не помню. А что?

– Ладно, ничего.

– Тебе что-то Нина наболтала? – без особого труда догадался я.

Зоя смущенно кивнула:

– Она ссылается на Ярослава. Он тоже был тогда с ними.

Я растерялся. Впервые за все время, сколько я знал Зою, она засомневалась в Тифоне.

Многие девчонки в школе пытались добиться его внимания, но с ним ничего не прокатывало. Ни кокетство, ни любовные признания, ни откровенные домогательства. Тема девчонок вообще была не про него.

Он любил свой спортклуб, бокс, мотики, футбол, турник и зависать с пацанами на районе. Конечно же, ему нравилось иметь репутацию «крутого» и «опасного», и он намерено ее создавал, но к девчонкам это не имело никакого отношения.

Тифу важно было, чтобы все знали, кто он такой, и уважали, а весь женский пол для него делился на маму, Зою и остальных.

И хотя этим летом в его разговорах действительно стала фигурировать Тоня, я совершенно точно не помнил ничего, что могло бы поставить его репутацию под сомнение.

– Знаешь, Зой. – Я вложил в голос все закипевшее во мне негодование. – Когда мне Настя не доверяет, даже не так обидно, как сейчас. Не знаю, что у тебя там за неуверенность и что у вас на самом деле с Ниной, но Тиф этого точно не заслужил.

За одну остановку до магазина с пылесосами пришло сообщение от Дятла: «Никит, у бабушки поднялось давление. Папа очень расстроен и винит себя. Мама плачет. Пожалуйста, принеси старый пылесос обратно».

Я вышел из автобуса, перешел по подземному переходу на другую сторону и поехал обратно.

Глава 7

Тоня

В пятницу родители поссорились с самого утра. У них иногда бывало. Покричат, пообзываются, пошумят, а через час сидят как ни в чем не бывало в обнимку. Такие милые и довольные, словно это была не ссора, а часть развлекательной программы.

В тот день все начиналось точно так же. Они топали, хлопали дверьми и перекрикивались. Папа ходил за мамой, повторяя «не говори ерунды» и «ты сама себя накручиваешь», а мама пыталась закрыться от него то в спальне, то в ванной.

Закутавшись в тяжелый банный халат и мечтая о чашке чая с бутербродом, я выбралась на кухню. Там уже все стихло, а мама сидела за столом, уткнув лицо в ладони.

Плакала она очень редко, только в каких-то особенных случаях: из-за зубной боли, потерянной золотой сережки или грустного фильма, но чтобы из-за ссор с папой... Никогда.

— Что случилось?

Я растерянно застыла возле нее.

— Пойду полежу, — сказала она непривычно несчастным голосом.

Лицо было сухое, блестящее, но глаза все же припухли.

Услышать от мамы, что она собирается «полежать» с утра в будний день, вместо того чтобы сломя голову мчаться на работу, было из ряда вон выходящим событием.

– Можешь объяснить, что случилось?

– Просто поссорились.

– Это я слышала. А из-за чего?

– Не важно.

Она скрылась в спальне и не выходила оттуда до самого вечера, а когда я вернулась из школы, сказала, что плохо себя чувствует, и попросила прикрыть дверь.

Я ушла к себе и позвонила папе:

– Привет. А что у вас случилось? Мама плачет, и я от этого немного в шоке.

– Ничего, поплачет и, может, очнется.

Впервые я слышала, чтобы он так резко отреагировал.

– Пап, пожалуйста, объясни, что за драма.

– Вот пусть мама тебе и объяснит.

– Она не хочет.

Я услышала на заднем плане звон посуды.

– Малыш, я сейчас не могу говорить. Попозже тебе позво-
ню.

Он отключился, а я зависла в полном недоумении.

Для такого расклада должно было случиться что-то очень неприятное.

Мама с папой познакомились еще в школе и почти сразу поженились. И хотя меня они, конечно, любили, но друг

другом всегда были заняты гораздо больше.

Чаще всего родители ссорились из-за маминой машины: поломок, штрафов, мелких аварий и прочего, чем потом приходилось заниматься папе. Или, бывало, из-за денег. Зарабатывали они хорошо, но папа любил жить на широкую ногу: дорогие рестораны, отели, брендовые вещи, в то время как мама старалась экономить и копить. Могли поругаться из-за того, кто из них лучше играет в теннис или разбирается в книгах и кино, или из-за того, кому идти на родительское собрание в школу.

Но что могло произойти такого, чтобы мама плакала, а папа, психанув, ушел?

В субботу утром мама, уже накрашенная и одетая, безжалостно разбудила меня, и мы поехали в «МЕТУ». Приехали и стали заходить в каждый магазин. Обычно она носила классические вещи, одеваясь дорого и со вкусом. Что-то модное, но не броское, а тут с пол-оборота накупила странные и провокационные шмотки: расклёшенная юбка на лямках, джинсовый комбинезон и огромную безразмерную футболку в стиле хип-хоп. После чего мы пошли и набрали тонну какой-то косметики.

Я очень надеялась, что к нашему возвращению папа уже будет дома. Однако в субботу он тоже не пришел.

Я написала ему в Ватсапе и Телеграме, но он нигде не появлялся со вчерашнего вечера.

Так что, лежа в кровати и глядя в потолок, мне все-таки пришлось впустить в себя страшную, чужеродную мысль о том, что у него могла появиться другая женщина.

Любовь не обязана быть вечной. Не бог весть какое откровение, но для меня это было как приехать из жаркой африканской страны в зимнюю Москву. Вроде и знаешь, что снег существует, но вживую его никогда не видел.

Папа был красивый, молодой и всегда привлекал внимание женщин, но я никогда не думала об этом всерьез, да и мама ему полностью доверяла. Иногда, глядя на то, как он примеряет рубашку или выбирает галстук, она могла бросить ироничную фразу вроде: «Твоим поклонницам понравится», но дальше шуток это не заходило. Поэтому и я привыкла думать, что родительские отношения – самое прочное и незыблемое во всем этом ненадежном мире.

– Не делай поспешных выводов, – сказал Амелин, после того как я выдала ему по телефону свои опасения. – Что бы ты ответила маме, если бы она спросила, из-за чего мы поссорились, когда я ушел из «Хризолита»?

– Что ты придурок.

– Видишь, а про твоего папу она такого не сказала, значит, отчасти чувствует и свою вину. А какая может быть ее вина, если, как ты считаешь, у твоего папы появилась любовница? И почему мама повезла тебя по магазинам и так странно себя вела?

– Ну... Например, хотела успокоиться или, если все же

рассматривать версию любовницы, доказать себе, что она красивая. Не знаю.

– У Милы бывало похожее. Натворит каких-нибудь глупостей с вечера, а утром стыдно. Чувство вины – оно такое... Кто-то пытается исправить ошибки, а кто-то – утешить себя подарками.

– Думаешь, это она себе кого-то нашла? – ахнула я.

Заподозрить такое про маму я и давным-давно не могла.

– Нет. Просто все может оказаться совсем не так, как кажется.

Амелин всегда успокаивал чем-то подобным, рассказывая о скрытых причинах и недосказанности, о неспособности слышать, слушать и ждать. Он умел утешать, и, если бы верил в Бога, из него, наверное, вышел бы отличный священник.

В воскресенье им предстояло отправиться с выступлением на детский утренник в частный загородный дом. Кто-то из Лёхиных подписчиков пожелал пригласить его к себе, отчего Лёху просто распирало от гордости.

Сначала я тоже собиралась поехать с ними, пофотографировать и развеяться. Но потом выяснилось, что в машине, которую выделило агентство Лёхиной мамы, всего четыре пассажирских места, и мы договорились с Амелиным встретиться после его возвращения.

На следующий день мама полдня не выходила из своей

комнаты, а папа не звонил.

Я поделала уроки, разобрала мешок с обувью и потом часа два в ожидании условленной встречи чистила фотографии в телефоне.

Почти все летние. В деревне у Амелина и потом в Капищено. Основную часть фотографий из деревни снимал Лёха, поэтому большинство из них были смешные.

Я, взмыленная, на четвереньках мою полы, а все кругом залито водой из-за того, что кто-то опрокинул ведро. Я лезу на яблоню за жирным орущим соседским котом, потому что парни отказались его снимать, сказав, что кот – мужик и должен преодолеть себя. Я, запутавшаяся в гамаке, я с опухшим из-за укуса мошки глазом, я позирую с сигаретой в руках в вульгарном желтом сарафане и дурацком венке из садовых ромашек, я лохматая, с отпечатком подушки на лице, я мокрая, облитая из шланга прямо в одежде, я на спор пытаюсь сварить компот из яблок, я раздуваю костер, я пытаюсь дотянуться до бельевой веревки, чтобы развесить постиранные вещи, и всё в том же духе.

Летние воспоминания всколыхнули массу теплых чувств.

Все, даже не самые приятные моменты сгладились, затуманились, изменили цвет и значимость, оставив на сердце только нечто приятно-обжигающее, как раскаленный песок на карьере, и волнительно-душное, как ночное предгрозовое небо.

Дойдя до фотографий из Капищено, я уснула. Зелень, зе-

лень, очень много зелени, солнца, музыки и танцев, а когда проснулась, сразу услышала голоса. Мамин и папин. Спокойные. Негромкие. Помирившиеся и довольные.

Из окна струился призрачный зимний свет, выбираться из нагретой постели было прохладно, но я сразу же помчалась на кухню.

Мама сидела, облокотившись о стену и положив ноги на табуретку, а папа, стоя у плиты, варил кофе.

– Вы, вообще, нормальные? – невольно выкрикнула я.

Оба вздрогнули и обернулись.

– О, привет! – обрадовался папа. – Как дела?

– Пол холодный. – Мама кивнула на мои ноги.

– Нет. Сначала вы мне оба объясните, что это было.

Папа посмотрел на маму, мама на него.

– Мы помирились, – сообщила мама.

– Прости, что не отвечал, – сказал папа. – Не хотел расстраивать тебя своим плохим настроением.

– Ты где был?

– У Решетниковых.

– И?

Они опять переглянулись.

– Тоня, – медленно произнесла мама. – Ты уже взрослая и должна понять...

Глубоко вздохнув, она сделала паузу:

– Мы решили завести ребенка.

– Я решил, – с нескрываемой гордостью добавил папа.

– Что? – Смысл этих слов как-то плохо улегся в сознании. – У вас уже есть ребенок.

– Я имела в виду еще одного. – Мама поднялась мне навстречу. – Маленького.

– Ты беременна?

– Ну да. – Она пожала плечами.

– Ты же не против? – поинтересовался папа.

– Об этом нужно было заранее спрашивать.

Я все еще не могла осознать услышанное и понять, как я к этому отношусь. Я была готова к чему угодно, даже к разводу, но уж точно не к ребенку.

– Ты расстроилась? – спросила мама.

– Нет, просто это неожиданно. Очень. И еще, я не понимаю, почему вы из-за этого поссорились. Папа не хотел?

– Мама не хотела, – поспешно ответил он.

– Да. Потому что я совершенно не готова сесть дома. У меня работа, фитнес, планы на жизнь. Я же еще молодая. Мне и сорока нет.

– Вот именно! – воскликнул папа. – Самое время! Когда родилась Тоня, я вообще не понял, что произошло. И ты не поняла. А сейчас все по-другому. К тому же для полного комплекта мне нужен сын.

– Вот этого не обещаю, – рассмеялась мама.

– Ладно-ладно. – Папа подмигнул мне. – Девочка тоже сойдет.

Ребята очень сильно задерживались, на мои сообщения Амелин отвечал редко и сухо, а меня просто распирало поскорее рассказать ему о ребенке.

– Его еще нет. – Дверь открыл Макс.

– Знаю. Можно подожду?

– Подождать ты, конечно, можешь, но потом не жалуйся.

– А что такое? – Я заглянула вглубь квартиры, но ничего подозрительного не заметила.

Только из-за закрытой двери лаяла собака.

Однако буквально через пару секунд послышался грохот, и Макс, скривившись, быстро провел меня в комнату, где жил Амелин.

– Если Тёма зайдет – не реагируй. Вообще. Никак. Он очень сильно не в духе.

Макса я знала не очень хорошо. Этим летом в Капищено мы смогли познакомиться ровно настолько, насколько позволяла обстановка: лето, жара, блаженное безделье и безбашенное дуракаваляние. А когда все вокруг легко и весело, очень сложно по-настоящему узнать кого-то.

Выглядел Макс симпатичным скромным парнишкой с густой пшеничной челкой и волевым подбородком. Молчаливый, такой, про которых говорят «себе на уме». Однако при внешней сдержанности он был, пожалуй, самым рискованным и отчаянным среди всех моих знакомых.

В этом я смогла убедиться, когда он полез в глубооченный колодец со сломанными скобами, где на дне валялись груды

камней. Даже Артём не осмелился, а Макс спустился.

К Артёму же я относилась со смешанными чувствами.

Сочетание красоты и богатства может испортить кого угодно. И Артём не был исключением.

Его заносчивость и самоуверенность частенько меня бесили, однако смелость, прямолинейность и энтузиазм странным образом сглаживали это ощущение, да и на Амелина его общество действовало положительно. Артём, как никто другой, умел вытаскивать Костика из загрузов.

Эти двое были настроены на какую-то общую волну вечного скепсиса и обожали эпатаж. Неудивительно, что, оказавшись в одной больничной палате, они так быстро сошлись.

Артём любил задираться, Амелин – провоцировать, при этом оба, будучи отличными актерами, старательно работали на публику, так что их шутливые перепалки порой доводили до колик.

Артём появился сразу, стоило Максиму выйти из комнаты. На нем были серые спортивные штаны и чересчур обтягивающая футболка, вероятно севшая от неправильной стирки.

Ему нужно было сниматься в кино. Даже в домашней одежде, взлохмаченный и злой, он выглядел как молодой бог.

– Не хочешь перевестись в другую школу? – Он подошел и, не вынимая рук из карманов, наклонился вперед, чтобы

заглянуть мне в лицо. — Я заплачу.

— Спасибо, у меня есть деньги.

— Пф-ф. — Он делано закатил глаза. — Ну хорошо, а чего ты хочешь?

— Для начала знать, зачем тебе это нужно.

— Ну, блин. — Он выпрямился. — Ты же в курсе про Виту? Я теперь даже поговорить с ней не могу. А если ты переведешься к ней в школу, то сможешь передать телефон. И вообще, поможешь мне все организовать.

— Что организовать?

— Побег.

— Ты серьезно?

— Абсолютно. — Его голубые глаза были полны решимости.

Я отступила на шаг назад:

— А если не согласишься, выгоню Амелина отсюда, пусть живет, где хочет.

Он театрально взмахнул рукой, и я улыбнулась:

— Чтобы попасть в другую школу, обязательно переводиться. Я могу просто так сходить туда и на перемене все передать.

— Там турникеты, электронные пропуска и охранник. Меня, кстати, уже не пускают.

То, как Артём нервничал, забавляло, но тема по спасению Виты мне нравилась.

— Если прийти к первому уроку, когда все вваливаются в восемь утра, упакованные в тысячу одежек, сонные и засы-

панные снегом, то вообще узнать никого невозможно. Пропуск тоже фигня. Скажу, что забыла, они не имеют права не пустить. Потому что школа отвечает за жизнь и здоровье ребенка до конца занятий, а если я, к примеру, пойду домой за пропуском и меня собьет машина, то директора и охранника отдадут под суд.

– Да ты продвинутая, я смотрю. – Артём одобрительно покачал головой, а затем смущенно пояснил: – Я же в школе никогда не учился. Для меня там все очень странно устроено. Завтра утром сможешь? Пожалуйста.

Последнее слово он произнес уже без давления, по-человечески.

Артём был настырный, и я понимала, что, после того как я сказала, что попасть в школу нетрудно, он заставит меня это сделать любыми способами. Однако ответить не успела.

Позади него со снежинками в волосах и на плечах пальто неожиданно возник Амелин.

– Всё в порядке? – спросил он.

– Короче, договорились, – бросил Артём мне и, ответив Амелину, что «все нормально», быстро вышел.

А Костик так и остался вопросительно стоять на пороге:

– Пожалуйста, скажи, что ничего не случилось.

– У нас будет ребенок! – тут же выпалила я.

Мы разговаривали полушепотом в темноте. Я так люблю. Раньше я очень боялась темноты, а потом приняла ее, и ока-

залось, что с ней вполне можно жить. Темнота помогает понимать себя и слышать других. Она лечит боль и пробуждает чувства.

Да и темнота снежного городского вечера никогда не бывала по-настоящему темной, такой, как бывает в подвале или колодце. Серо-голубую темноту теплой квартиры наполняли тени и полутона, а не ледяное отчаяние бездонной пропасти.

Я лежала у него на коленях, и он гладил меня по волосам. Ладонь у него была мягкая и теплая, а толстовка пахла Ар-тёмом. У них все в квартире пропахло его туалетной водой и лавандовым кондиционером для белья. Приятный, свежий и жизнеутверждающий запах, но мне не нравилось, что за ним я переставала чувствовать самого Амелина.

Новость о ребенке он воспринял с большим воодушевлением и минут пятнадцать убеждал меня, как это интересно и здорово, так что я и сама понемногу стала проникаться этой мыслью. А потом заговорили об их поездке.

– Там здоровенный загородный дом, – сказал Амелин. – Богатые люди, слуги, картины на стенах, свет загорается, стоит только об этом подумать, и дети, которым, кажется, уже нечего хотеть.

– Вас плохо приняли?

– Да нет, нас даже продлили, а перед отъездом накормили. Но атмосфера... неприятная. Все женщины в золоте и с пластикой, а мужчины – снобы и извращенцы.

– Интересно, как ты это понял?

– В моей жизни было много разных людей, и обычно от того, что я про них пойму, зависело мое благополучие. А у этих искусственные улыбки и злые глаза. И дети злые. И, знаешь, это такая злость не на что-то конкретное, а как состояние души.

– Господи, Амелин, ты как всегда. То, что у них другой социальный статус и стиль жизни, вовсе не означает, что они извращенцы.

Он не ответил, и повисла глубокая многозначительная тишина, которая становится понятной именно в темноте.

– Можешь рассказать нормально? С самого начала.

– С начала? Хорошо. – Я услышала в его голосе улыбку. – Только это надолго.

– Прекрасно, – я устроилась поудобнее. – Люблю твои сказки.

– Так вот, ехали мы туда долго-долго. Дорога петляла и петляла через лес... А когда проезжали поле, над нами пролетел огромный черный ворон. Так низко, что чуть машину крылом не задел. И я тогда сразу подумал, что это не к добру.

– Лёха сказал, что вы домчали за полчаса по Каширке.

– Тоня. – Костик обиженно убрал руку с моей головы. – Ну, ты же знаешь, что я тебе рассказываю «как на самом деле», а Лёха вечно все сочиняет.

– Хорошо-хорошо. – Я вернула его руку обратно. – Продолжай.

– Дом, куда мы приехали, не такой здоровый, как Капи-

щено, но все равно очень большой.

Темные деревянные полы, светлые стены, раздвижные двери. И нигде ни пылинки, ни пятнышка, ни капельки на зеркале. Холодный, мертвый, безжизненный дом.

Выступали в гостином зале. Огромные панорамные окна в пол, трехметровая елка, длинный обеденный стол, посредине площадка для танцев.

Детей сначала загнали на диваны. Их было семеро: возраст от пяти до десяти. Но долго они там не просидели, полезли Лихо ловить. Это злые дети, я тебе честно говорю, они меня уронили и очень больно щипали, били и кусали.

Я сделал вид, что плачу, но ни один ребенок меня не пожалел... И не заступился.

– Бедный. – Я обняла его и какое-то время так держала. – Но ты же был олицетворением зла, а со злом нужно бороться.

– Зло – это поступки, а не то, что им кажется.

– Лихо украло елочные игрушки и оставило детей без Нового года.

– Лихо украло игрушки понарошку, а били они меня по-настоящему.

– Но они же дети и еще не понимают, что тебе больно.

Амелин грустно вздохнул:

– Дело не в том, что они меня били, а в том, что им это нравилось.

– Тогда почему ты терпел?

– Было интересно, до чего они дойдут. Эксперимент. Изу-

чение природы зла.

– Все ясно. Не сомневаюсь, что ты нарочно дразнил их, а теперь прикидываешься несчастным.

– Еще там была одна девушка...

– Она тоже била тебя?

– Ну вот, ты уже ревнуешь.

– Ничего подобного!

– Но ты это сказала таким тоном...

– Каким?

– Возмущенным.

– Неправда.

– Глупенькая, я же тебя знаю. Если бы я сказал, что целовался с ней, это обидело бы тебя гораздо меньше. Но клянусь, бить меня я разрешаю только тебе. Ну и детям еще. Но это другое.

– Так! – Я схватила его за подбородок и заглянула в глаза. Они были чернее темноты. – Значит, ты с ней целовался?

– Нет. Честно. Просто она одна меня пожалела, спасла отсюда и забрала лечить.

– Лечить? – Я аж села.

– У меня ведь губа была разбита.

– Я не заметила.

– Так уже все прошло.

– Ну ладно и что потом?

– Потом мы сидели у нее в комнате и просто разговаривали. Я пытался сказать, что у нас время закончилось, но она

ответила, что это не важно. И что, если захочет, ее папа купит нас, и мы будем жить у них круглый год.

– О чем же вы разговаривали?

– Обо всем. Не знаю, ну вот как обычные люди разговаривают.

– Ты никогда не разговариваешь как обычный человек.

– Она злилась на свою семью и говорила, что они все ужасные. А я слушал и кивал.

– Стихи читал?

– Совсем немного.

– Сказки рассказывал?

– Сказки – нет.

– Она красивая?

– Вообще нет. Совсем некрасивая. У нее кривые зубы, косые глаза и горб.

– Горб?

– Ну как бы одно плечо выше другого.

– Все ясно, значит, красивая.

– А когда мы вернулись, она стала просить отца оставить меня у них жить.

– И?

– Он предложил мне остаться. И платить за то, что я буду ее развлекать. Позвал к себе в кабинет и долго рассказывал, как они с ней намучились. Что она два месяца назад вернулась из реабилитационного центра после неудачной попытки самоубийства, ничего не хочет, ничто ее не радует и что

сегодня впервые за все это время она хоть чем-то заинтересовалась.

– Кажется, я начинаю догадываться, что за разговоры «о жизни» у вас были.

Амелин обнял меня сзади и положил подбородок на плечо.

– Ты такая у меня умная!

– Значит, ты отказался?

– Это было довольно сложно. Он стал давить и угрожать. Пришлось показать ему свои руки и прочесть «Жатву глубокой скорби». И он вроде понял. Нет, не Маркеса, а то, что я ему не подхожу.

– И это все?

– Но ты хоть немного рада?

– Чему? Что ты не согласился стать придворным шутом?

– Нет, что тебе я достался бесплатно.

– Мне приходится расплачиваться своими нервами, а это намного дороже денег.

– Поверь, твои нервы в безопасности. Я же тебя очень люблю!

Глава 8

Вита

Утро выдалось морозным. Щеки и нос горели, шарф под горлом и прядки волос покрылись мелкими комочками льда. Пальцы еле сгибались. Из носа текло.

Мальчишки, класс седьмой, нарочно устроили толкотню перед турникетами. Их девчонки громко возмущались, но пройти не могли.

Часы перед входом показывали восемь двадцать.

Охранник отключил блокирующие проход вертушки турникетов, и весь скопившийся ученический поток хлынул за снеженной лавиной в раздевалку. Такое происходило каждый день, я не обращала внимания.

Между вешалок царил неменьший бардак. Найти свободный крючок, переобуться и при этом не скинуть чужую одежду – задача не из легких. Зимой каждое утро в школе напоминало маленькое сражение. И я в нем была далеко не лучшим бойцом.

С обувью приходилось сложнее всего. Банкетки занимали самые шустрые – пристроиться некуда. Чтобы расстегнуть один сапог, стоя между вешалок, приходилось несколько раз нагибаться и разгибаться, пропуская кого-нибудь мимо.

Наклонившись в очередной раз, я почувствовала, что сза-

ди кто-то стоит, но выпрямиться не успела. На спину легла чья-то тяжелая рука и надавила так, что моя голова оказалась под висящей одеждой.

Ужасное положение, отвратительная ситуация.

– Стой, Котова, и не рыпайся.

Я узнала голос Дубенко.

– Ты вообще в курсе, что из-за твоего кренделя трудовика чуть не уволили? А на окна поставили замки, – сказал Тарасов, – и теперь на Новый год ничего не пронесешь?

Под «ничего не пронесешь» Тарасов имел в виду алкоголь, который они передавали через окно в кабинете труда, когда в школе проводили вечера.

– Так что с тебя вся дискотечная алкашка. Список скину. Как будешь проносить – твои проблемы. И попробуй только спалить или пожаловаться. Я тебе такое устрою, всю жизнь помнить будешь. А вздумаешь подослать очередных отморожков, мой папа их посадит. Он у меня теперь майор.

Отец Дубенко работал участковым полицейским и вечно его отмазывал.

Я попыталась избавиться от его руки, дернулась вперед и, не удержавшись, свалилась под вешалки. Парни заржали.

Прозвенел звонок.

– Освобождаем раздевалку, – послышался голос дежурной химички.

Дубенко наклонился ко мне:

– Если придеешь после школы к Тарасову проект по Рас-

путину делать, у тебя есть шанс вымолить наше прощение.

– Все, вставай, – прошипел Тарасов. – Там химоза идет.

Но я не пошевелилась.

Дубенко рывком поднял меня на ноги и с силой прижал к себе:

– Сама же нарываешься.

– Все. Хорошо. Потом с ней закончим. – Тарасов потянул его за рукав, развернулся и чуть не сбил с ног невысокую заснеженную девушку с красными волосами, оказавшуюся непонятным образом позади него.

Пока я соображала, что Тоня делает в моей школе, она, наставив указательный палец на Тарасова, серьезно объявила:

– Теперь у вас будут огромные неприятности.

– Ты еще кто? – опешил Дубенко.

– Дед Пихто. Отпустил ее быстро.

– Бли-и-ин! – задергался Тарасов, опасаясь, что в любой момент в раздевалку могут войти учителя. – Идем уже!

Раздраженно отпихнув Тоню с дороги, он двинулся вперед, но не успел сделать и пары шагов, как ее кулак врезался ему прямым между лопаток.

Тарасов ойкнул и резко обернулся.

– Тронешь еще раз – нос сломаю, – тут же предупредила Тоня.

Он сложил пальцы для щелбана, но она уже была возле Дубенко.

Подошла и, ни слова не говоря, со всей силы дернула его за карман школьного пиджака. Послышался громкий треск, и карман повис жалкой тряпочкой.

– Охренела? – взревел Дубенко.

Вмешательство Тони придало мне уверенности. Схватив его за второй карман, я тоже дернула. Получилось не так сильно, но карман все же надорвался.

Дубенко разъяренно развернулся ко мне и со всей дури отвесил пощечину. В глазах потемнело. Чтобы не упасть, я уцепилась за чью-то куртку.

В этот момент Тоня запрыгнула на спину Дубенко и повисла на нем. Дубенко покачнулся.

Тарасов кинулся ему на помощь, и тогда я закричала.

Но нас и без моих криков уже слышали.

Кабинет у директрисы был небольшой, заставленный ко-собокими шкафами и коробками на них. Духота стояла невероятная.

Тарасов и Дубенко сели с одной стороны, мы с Тоней напротив. В дверях, как будто мы заключенные, стоял охранник. Директриса, крепко прижав обе руки к вискам, кисло оглядывала нас.

– Марианна Яковлевна, это они начали, – завел Дубенко. – Смотрите, что они мне с пиджаком сделали.

– Ты ударил Виту, за это тебе не карманы оторвать надо, а голову. – Тоню поход к директору ничуть не смутил.

– Поговори еще тут, – зло пригрозил Дубенко.

– И язык оторвать. – Тоня смотрела ему прямо в глаза. – И кое-что еще.

– Оставляй свой пиджак и иди на уроки, мы с вами потом поговорим. – Марианна Яковлевна тяжело вздохнула. – У меня от вас голова взрывается.

Тарасов радостно вскочил, а Дубенко, недовольно стянув пиджак, швырнул его в Тоню. Но она тут же скомкала его и выкинула на середину комнаты.

Дубенко показал Тоне кулак, и в сопровождении охранника они с Тарасовым ушли.

– Подними, – сказала Марианна Яковлевна.

Двумя пальцами Тоня брезгливо подняла пиджак и бросила на стул, где до этого сидел Дубенко.

– Ужасная мигрень, – пожаловалась директриса. – Надо бы выяснить, из какой ты школы, и позвонить твоему директору, но я совершенно не хочу сейчас этим заниматься. Просто прийдите ему карманы и договоримся, что ничего подобного больше не повторится.

Марианна Яковлевна быстро встала, пересекла кабинет и вышла.

Мы с Тоней переглянулись.

– Короче. – Быстро сунув руку в карман своей куртки, она вытащила телефон и передала мне. – Позвони Артёму, он скажет, что дальше.

Я убрала телефон в рюкзак.

– Спасибо, что заступилась.

– Ненавижу таких уродов. Когда Артём будет их отстреливать, я готова подавать патроны.

– Нет-нет, что ты?! Не нужно, чтобы он знал.

– Почему это?

– Если он узнает, точно будет скандал. А нам проблем хватает.

Тоня пожала плечами:

– Хорошая у вас директриса. Наша бы такой вой подняла за то, что чужой человек в школе. А ваша такая спокойная, как будто ничего не произошло.

– Да, Марианна Яковлевна на многое закрывает глаза и многое прощает. – Я задумалась. – Поэтому Дубенко и остальные себя так ведут...

Директриса принесла коробочку, в которой лежали нитки и подушечка с иглками, взяла со стула пиджак и протянула нам:

– Пришьете карманы – и свободны. Нитку в иглолку вставлять хоть умеете?

– Угу, – буркнула Тоня. – А может, лучше их вообще отпороть? Зачем ему карманы? Шпаргалки прятать? Или сигареты носить?

– Просто сделайте, как было. – Вернувшись за свой стол, Марианна Яковлевна раскрыла ноутбук. – Только сидите, пожалуйста, тихо. Мне письмо в управу написать нужно.

Тоня шить не умела, хотя нитку в иголку действительно вставила с первого раза. Я взяла себе один карман, она другой, но дело у нее шло медленно, поэтому, когда я закончила, пришила и ее карман.

Мы отдали директрисе пиджак, и она вызвала охранника проводить Тоню, а меня попросила задержаться:

– Я, конечно, могу прямо сейчас позвонить твоей маме и рассказать, что ты устроила потасовку, и про эту странную девочку тоже, но вряд ли это кому-то из нас пойдет на пользу.

– Я не устраивала потасовку.

– Я знаю, что у вас с Денисом Дубенко давний конфликт. Но раньше это обходилось без рукоприкладства.

– Они всегда издевались надо мной, – впервые призналась я, но директриса будто не расслышала и снова схватилась за виски.

– А пятничный спектакль на ОБЖ? Вита, ну как же так? Ты ведь всегда была самая хорошая, самая примерная, образцово-показательная ученица. И когда я отговаривала твою маму забирать тебя из школы посреди учебного года, я и подумать не могла, что пройдет всего несколько дней и ты начнешь вытворять такое.

– Мама посадила меня под домашний арест, отняла телефон и наняла охранника, который водит меня в школу и из школы. Разве так можно поступать с человеком?

– Твоя мама несет за тебя ответственность до восемна-

дцати лет. А в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации решения относительно самостоятельного перемещения детей принимают только родители.

– Это значит, что у меня вообще нет никаких прав?

– У тебя есть все основные права гражданина вне зависимости от возраста.

– А права на то, чтобы просто услышать по телефону голос другого человека, я не имею? Почему кто-то может вмешиваться и заставлять меня любить кого-то или не любить согласно закону? Вы заставляете меня каждый день общаться с Дубенко, терпеть его издевательства и испытывать отвращение к жизни, а того, с кем мне хорошо и кто любит и заботится обо мне, я не имею права видеть по закону. Разве это справедливо?

– Потому что считается – и, в общем-то, это верно, – что дети по неосознанности способны совершать опрометчивые поступки.

– Мне будет восемнадцать через полгода. И что? Я сразу стану осознанной?

– Вот и потерпи немного, раз осталось совсем чуть-чуть.

– Я не смогу терпеть. Мы через месяц уедем в другую страну навсегда!

Директриса нахмурилась:

– К твоему сведению, расстояние и разлука – это лучшая проверка чувств.

– А для чего нужно что-то проверять, если они есть прямо сейчас?

– Именно это я и называю неосознанностью. Ты не думаешь о будущем, не строишь планов и прогнозов, а это неправильно.

Еле сдержавшись, чтобы не расплакаться, я встала.

– Можно я пойду?

Марианна Яковлевна кивнула:

– Я не буду ничего рассказывать твоей маме, но и ты, пожалуйста, не подводи меня.

До конца первого урока оставалось десять минут, а у меня на одной ноге по-прежнему оставался сапог.

Забившись в угол в раздевалке, я достала телефон, который отдала мне Тоня.

В его контактном листе значился всего один номер.

– Ты уедешь со мной? – спросил Артём сразу, как только услышал мой голос.

– Куда?

– Я еще не придумал, но хочу знать, согласна ли ты.

– Это типа сбежать?

– Типа сбежать.

– А как же школа?

– А что школа?

– Я должна в нее ходить.

– Ничего ты не должна. Я не ходил ни в какую школу и,

как видишь, жив.

– А мама? А Америка?

– Поэтому я и спрашиваю, согласна ли ты. – Его голос посерьезнел.

– Включи камеру, – попросила я.

В ту же секунду появилась картинка.

Он еще валялся в кровати, взъерошенный и полусонный, за его голым плечом на тумбочке остывала чашка кофе. Я почувствовала сладковатый запах его кожи, аромат черного кофе и лавандовый ароматизатор. Уютная, успокаивающая, до боли знакомая обстановка.

– Может, я и правда неосознанная?

– Что? – Артём вопросительно вскинул бровь.

– Я очень хочу с тобой уехать, и мне все равно, что потом будет. Даже если случится что-нибудь плохое.

– Плохого не случится. – Он приподнялся, облокотившись на подушку. – Будет только хорошее. Обещаю. Ты же мне веришь?

Жаловаться маме Марианна Яковлевна не стала, зато Носков доложил о пятничном происшествии.

– Почему ты мне ничего не сказала? Это что же такое? Ты что, собиралась сбежать? У тебя вообще совести не осталось? – весь вечер кричала мама. – Мне что, теперь запретить тебе в школу ходить?!

Эти дни она разговаривала со мной только на повышен-

ных тонах.

– Мам, пожалуйста, хватит ругаться. Я больше не могу.

– Твой Артём не понимает, что и на него управу можно найти. В организации, где работает Владимир Петрович, и такие вопросы решают. Пусть устроят ему хорошую трепку, чтобы знал, что не все в жизни дозволено.

– Хочешь нанять людей, чтобы они побили Артёма? Мам?!

– До некоторых доходит только по-плохому.

– Ты же меня сама всегда учила, что силой ничего не решается.

– Да! Но я уже не знаю, что и делать.

В желтом свете кухонного абажура было видно, как в темное окно бьются снежинки. Из маминого компьютера доносились тихая успокаивающая музыка. Я накрыла ее руку своей, и на секунду мне показалось, что все еще можно исправить и вернуть, как было год назад, когда я не знала Артёма и верила, что моя мама – самый лучший человек на Земле.

– Нужно связаться с его опекуном! – оживилась вдруг она. – Не помню, как его зовут. Звонил мне тогда летом. Уж у него-то должны быть способы воздействия на своего подопечного. Если у человека нет родителей, это не значит, что его нельзя приструнить.

– Артёму двадцать, и Костров уже ничего не решает. Только финансовые вопросы.

– Только финансы? – Мама многозначительно посмотрела

на меня поверх очков. – Это значит, что он решает все.

– Ты же не собираешься ему звонить? – испугалась я.

– До нашего отъезда осталось чуть больше двух недель.

Поверить не могу, что это безумие когда-нибудь закончится.

Глава 9

Никита

Теперь, после того воскресенья, Нина постоянно звонила мне, писала и требовала встречи. Я изо всех сил старался ее игнорировать, сбрасывал звонки и серьезно думал о том, чтобы сменить номер.

А в следующий понедельник, возвращаясь из универа, я обнаружил ее возле своего подъезда.

Чтобы Нинка Миронова прогнулась и мерзла в темноте, карауля парня, должно было произойти нечто сверхъестественное. Она никогда не стала бы так мучиться ни из-за Ярика, ни из-за Тифона. Для нее вообще не существовало ничего важнее собственного комфорта.

Спрятавшись за спинами впереди идущей пары, я успел свернуть во дворы раньше, чем она меня заметила.

Дома ждал ужин, долгожданное тепло и отдых, но из-за озабоченной рыжей неврастенички я был вынужден одиноко скитаться по темным зимним улицам.

Аккумулятор телефона на морозе стремительно разряжался.

В прежние времена я, не раздумывая, пошел бы к Тифону, но теперь его квартира пустовала, а Лёха к себе никогда не звал. Все срослось как-то само собой, я просто шел дворами,

шел и остановился уже перед домом единственного человека, который мог прекратить этот дурдом.

На Ярославе был коричневый кардиган и бежевые домашние штаны в мелкую клетку. Темные волосы заметно отросли, стрижка тоже изменилась. За эти три месяца, пока я его не видел, он как будто повзрослел и еще больше посерьезнел.

– Извини, что так нагрянул. – Я потер руки, согреваясь. – Как дела?

– Да так. – Ярослав пожал плечами. – Ничего интересного.

– Я не вовремя?

– Есть такое, – бросил он раздраженно, но потом сразу же пояснил: – Маленький семейный конфликт. У отца в субботу юбилей. Пир на весь мир. Я идти не хочу, но мать уперлась, мол, сыновний долг и все такое. Чушь несусветная.

– Я насчет Нины, – сказал я.

– Меня это больше не касается. – Он отмахнулся. – У нас в универе много красивых девчонок. Воспитанных и умных.

– Понимаю. Для тебя это не проблема.

– А что она?

В том, что любопытство в нем возьмет верх, я не сомневался.

– Сам не пойму. Хотел у тебя спросить. Просто с некоторых пор она вдруг стала звонить мне и писать, на свидание зовет...

– А, это. – Ярослав задумчиво покивал. – Ну так сходи.

Мне плевать.

– Дело в том, что я не хочу, но она настаивает. Очень. Даже требует. Из-за Зои. Чтобы насолить ей.

Удивленно фыркнув, Ярослав улыбнулся:

– Узнаю Нину. Она перед сестрой с детства комплексует. Той же все легко дается. Дружья, оценки, уважение. Во многом Нина из-за этого такая взбалмошная. Вечно пытается доказать, что она лучше.

– Может, ты на нее как-то повлияешь?

– Извини, но нет. Я ее две недели назад собственноручно выставил за дверь. Больше не хочу ни видеть, ни слышать.

– Ярослав, но она вот прямо сейчас у моего подъезда караулит. А в позапрошлом воскресенье позвала к ним и потом разделась. Совсем. Догола.

– Да ладно? – Яров недоверчиво сощурился, медленно расплываясь в улыбке. – А ты что?

– Ничего. – Я развел руками.

Он громко расхохотался.

– Ярик! – послышался из глубины квартиры голос его мамы. – Ты собрался?

Но тот продолжал смеяться так, словно то, что я сказал, было самой забавной вещью в мире.

– Надеюсь, ты не ревнуешь?

– К тебе? Нет, – бросил он небрежно. – Очередные Нинины игрушки. Детские придури. Бывает забавно, но я слишком устал от них.

Легкость, с которой Ярослав отнесся к моим словам, задела.

– Посоветуй хоть, что сделать, чтобы она отвалила.

Все еще продолжая улыбаться, Ярик покачал головой:

– Нина, как бультерьер, пока не получает то, чего хочет, вцепляется намертво. Так что либо дай ей то, за чем она охотится, либо откупись.

– Деньгами?

– Не. Если Нина задумала насолить сестре, то и предлагать нужно нечто соответствующее. Какой-нибудь компромат или сомнительную ситуацию, в которой та поучаствовала. Подумай, ты наверняка что-то такое знаешь.

– Даже если и знаю, – я принялся торопливо перебирать в голове все, чем мог бы дискредитировать Зою, – то никогда не стану пользоваться этим.

– В таком случае просто подыграй. Сделай вид, что ты от Нины без ума. Звони ей сам, навязывайся, домогайся, сделай пару фоток с ней, выложи в Сеть, и через месяц она сама отвалит. Ей очень быстро надоедают ровные отношения.

– Это тоже не подходит. Моя Настя не поймет, а Зоя поймет и сочтет предательством.

– Каким таким предательством, Горелов? Ты же не Зойкин парень и никогда им толком не был. А то, что она все еще пытается держать тебя при себе, – это их бабские заморочки. Не ведись. Нина потому и прицепилась, что ты числишься в списке лучших Зоиных трофеев.

Я был зол на Ярика. Ему ничего не стоило позвонить или хотя бы написать Нине, обозначить, что про меня он все знает, и унизительно высмеять ее. Это бы точно сработало. Я не сомневался. Злой сарказм Ярослава всегда действовал на Нину отрезвляюще.

Но он предпочел посмеяться надо мной.

Конечно, ситуация комичная. С этим не поспоришь. Я бы и сам угорал, если бы на моем месте оказался, например, Дятел. Но я-то Дятлом не был! И пришел к нему за помощью. А все, что он смог мне посоветовать, так это предложить Нине устроить Зое какую-нибудь другую гадость. В такие моменты я начинал понимать, что так крепко связывало Нину и Ярослава.

– Ты где потерялся?! – В прихожей меня встретил взволнованный Дятел. – Час назад должен был приехать. Телефон недоступен. Бабушка ждала тебя с едой, а ты опоздал.

– Меня не нужно кормить.

– Ты же ее знаешь. – Дятел заботливо забрал у меня куртку и повесил на вешалку. – Настя два раза звонила. И еще Нина Миронова заходила.

– Как заходила? Прямо сюда? – Я остолбенел.

– Бабушка с ней разговаривала.

Час от часу не легче. При таком раскладе я даже обрадовался, что бабушка обижается, это означало, что я успею

придумать какую-нибудь легенду о том, зачем я понадобился Нине.

– А что она сказала?

– Что ты пригласил ее на свидание и не пришел.

– А бабушка чего?

– Бабушка три раза назвала ее Зоей. Я сразу понял, что нарочно, хотя она и заверяла, что без очков плохо видит. А когда Нина ушла, заставила меня поклясться, что я никогда не свяжусь с такими девицами, и еще сказала, что всегда ожидала от тебя чего-то подобного.

Я со злостью швырнул рюкзак под вешалку.

Дятел терпеливо ждал, пока я схожу в туалет, вымою руки, сделаю себе бутерброд и, немного успокоившись, вернусь в комнату.

Экран монитора, перед которым он сидел, успел потемнеть.

– Расскажешь, зачем Нина приходила? – заговорщицким, но чересчур громким шепотом выпалил он.

– Понятия не имею. Заряжу телефон, перезвоню и спрошу.

– А мне почему-то кажется, что ты знаешь. Она тебе всю неделю названивает...

Я остановился с нетронутым бутербродом в руках и осуждающе посмотрел на него:

– Ты лазил в моем телефоне?

– Нет, конечно. Ты что?! – Дятел испуганно замахал рука-

ми. – Один раз ты был в ванной, в другой раз с папой болтал, а в третий... ты его забыл и вернулся. Во вторник, кажется. Помнишь?

– Нет. – Я надкусил бутерброд, запустил свой ноут и устроился за столом.

Нужно было по-быстрому сделать презентацию по социологии.

– Это нечестно. – Дятел печально вздохнул. – Видел бы ты свое лицо, когда я тебе про нее сказал.

– У нас что, вайфай отрубили?

– Как отрубили? – Подергав мышкой, Дятел разбудил экран и облегченно выдохнул: – Все в порядке. Работает.

– Тогда почему ты столько разговариваешь?

– А, ты про это. – Он снова оживился. – Ну, ты же мне важнее.

– Вот только не надо ля-ля. Ты просто умираешь от любопытства и поэтому никак не можешь сосредоточиться на этой своей игрушке.

Дятел смущенно поджал губы:

– Совсем немножко.

Несколько секунд мы смотрели прямо друг на друга, потом Дятел вдруг поморщился, комично скривил лицо, крепко прижал обе ладони ко рту и сдавленно хрюкнул.

– Это типа ты чихнул? – не понял я.

Коротко кивнув, он выудил из-за спины носовой платок и, нырнув под подушку, принялся издавать страшные звуки.

– Простыл?

– Совсем чуть-чуть, – выбравшись обратно, признался он.

– Слушай, Вань, а тебе она нравится?

– Кто? Нина? – Дятел задумчиво почесал голову. – Мне кажется, у нее сложный характер.

– При чем тут характер? Как девушка, нравится? Ну, по красоте там и все такое. – Я обрисовал руками женский силуэт.

– Ну-у, – протянул он, как главный ценитель женской красоты. – Она привлекательная.

– А ты бы хотел с ней поцеловаться?

Дятел вздрогнул и нервно захлопал глазами:

– Зачем?

– Ну как зачем? Зачем люди целуются?

– Не знаю. – Он хихикнул и небрежно махнул рукой. – Таких, как она, я опасаюсь. Да Нина и сама не стала бы со мной целоваться.

Я посидел еще немного в задумчивости, тщательно пережевывая бутерброд, а потом вдруг со всей ясностью осознал, что Дятел единственный, кто поймет, почему я так поступил, отдавая «Юэбин» Зое, и смеяться над рассказом о том, как Нина разделась, не будет. Он вообще никогда надо мной не смеялся, а поделиться этим мне больше было не с кем.

– Ладно, слушай. – Я подсел к нему на кровать. – Только это серьезно, понял?

И я рассказал ему все. От похода в кино до разговора с

Ярославом.

Дятел не перебивал, лишь время от времени шмыгал носом и сморкался, а в том месте, где я в воскресенье пошел к Мироновым, замер и, кажется, перестал дышать. Так что мне самому стало смешно, но вида я не подал и нарочно сгустил краски, описывая, как ужасно чувствовал себя в Нининых объятиях.

– Да-а-а уж, – пораженно протянул он, когда я закончил. – Не хотел бы я оказаться на твоём месте.

– В общем, такие дела, – произнес я тоном человека с тяжёлым, драматичным прошлым и вернулся к ноуту, чувствуя значительное облегчение.

Дятел действительно притих, но я знал, что просто так он не успокоится, поэтому, когда через десять минут раздался его осторожный шепот, ни капли не удивился.

– Никит, извини, но я вот тут подумал... В Зою же не только ты влюблен и не только Андрей Трифонов. Максиму ведь она тоже нравится. И, кажется, он ей.

– Ты про Макса? Котика?

– Ну да. Я их недавно в ТЦ видел.

– Seriously? – Я выпучил глаза. – И что они делали?

– Просто шли и разговаривали.

– Это что же получается? Пока Тиф в армии, она тайком с Максом встречается?

– Я не заметил ничего такого. – Дятел сделал паузу, чтобы проверить, понял ли я его.

– Ну да, разумеется, ты прям самый спец по «чему-то такому».

Неожиданно я снова разволновался. Как так? Зачем это Зое встречаться с Максом, если «ничего такого»?

До того, как Макс взял Зою с ними в Капищено, они с Тифом отлично ладили. Зоя, конечно, сама напросилась туда ехать, но Макс положил на нее глаз, как только увидел. И в том, что он строит на нее планы, я не сомневался.

Макс был отличным пацаном почти во всем. Лишнего не болтал, цену себе не набивал, если что-то решили, на него всегда можно было положиться. Но, когда этим летом нас с ним занесло в армянскую шашлычную, где хозяин в знак благодарности за помощь на рынке натравил на нас местных проституток, у меня появилась отличная возможность увидеть, что скрывается за этой якобы стеснительной милотой.

– Если Нина станет мстить Зое не через тебя, а через Максима, то от этого всем будет лучше. И тебе, и Андрею тоже, – простодушно сказал Дятел, наматывая на палец пуговицу на пижамной куртке.

Эта неожиданная, но такая логичная по своей сути мысль заставила меня восхититься его сообразительностью. Возможно, с коммуникацией у Дятла и были проблемы, но в умении мыслить глобально и использовать все вводные данные с ним вряд ли кто-то мог бы сравниться.

Переключить Нину на Макса было шикарнейшей идеей.

В принципе, они уже пересекались в Капищено. Правда,

Нина тогда в очередной раз мирилась с Ярославом, а Макс смотрел только в сторону Зои. Но в том, что эти двое могли отлично поладить, я не сомневался:

– Ваня, ты гений!

Дятел довольно хрюкнул заложенным носом.

Мысли лихорадочно заметались. Как лучше поступить? Как их свести? Устроить случайную встречу? Но как? Макс много учился и работал, Нина ходила в школу и жила в другом районе. Позвать обоих в кафе? В кино? Нина-то, ясное дело, примчится, а вот Максу что говорить?

В этот момент снова позвонила Нина, прям как почувствовала.

– Что, Горелов, так и будешь бегать от меня? – Голос у нее был ехидный и недобрый. – Ничего у тебя не выйдет. Просто прими это как факт.

– У тебя тоже ничего не выйдет, – выдал я в ответ на одном дыхании. – Зое на меня наплевать.

Дятел мгновенно наострил уши и подполз ближе.

– Это неважно, – небрежно откликнулась Нина. – Необязательно кого-то любить, чтобы ревновать. Ревность – это про собственность. А Зоя считает тебя своим, поэтому и бесится.

– Это ты сама себе придумала. Я уже с лета встречаюсь с Настей!

– Ой, ну что там твоя Настя? Думаешь, Зоя воспринимает ее всерьез?

– А тебя типа воспринимает?

– Никита, – голос ее стал жестким, – это наша личная война. Смирись. Я всегда добиваюсь того, чего хочу.

– Но тебе нужен не я! Зоя в мою сторону даже не смотрит, а злит ее только то, что ты пытаешься сделать ей гадость. Поэтому, если ты задумала по-настоящему достать сестру, тебе лучше потратить время на кое-кого другого.

– Кого это? – мигом заинтересовалась она.

– Помнишь Макса? Друга Артёма, который был с нами в Капищено?

Нина задумчиво замолчала.

– Котик?

– Котик гораздо более крутой трофей, чем я. К тому же Зоя этого не ожидает. А в том, что ты ему симпатична, я не сомневаюсь.

– Правда?

– Он мне сам говорил.

Это была неправда. Но сначала интерес Макс точно проявил, я слышал, как он выпрашивал про Нину у Лёхи, но, поскольку Лёха патологически Нину не выносил, разговора не получилось.

Нина снова задумалась, затем резюмировала:

– Котик секси.

– Уверен, вы поладите, – обрадовался я. – К тому же он свободен. Я могу устроить вам встречу.

– Вот уж не надо! Только все испортишь. Просто дай его

телефон.

– Сейчас скину.

– И все же скажи, Горелов, кто из нас троих красивее?

– Конечно ты, – поспешно заверил я и отключился.

Глава 10

Тоня

После того как выяснилось, что в нашем семействе ожидается пополнение, во мне проснулся неожиданный интерес. Стало любопытно, что же там впереди? Какой это будет ребенок? Мальчик? Девочка? Как с его появлением изменится наша жизнь?

Я была уверена, что мама поторопится вернуться на работу и большую часть времени сидеть с ребенком придется мне. Но это, как ни странно, не пугало. Мне так хотелось, чтобы он никогда не чувствовал одиночества и страха темноты, что я успела навоображать себе, как читаю ему на ночь сказки и кормлю кашей собственного приготовления.

Я собиралась учить его ходить и говорить. Может, даже на двух языках, на русском и сразу на английском. Для ребенка моих знаний вполне хватило бы. А еще, если ему с самого рождения включать музыку, то у него мог развиваться хороший музыкальный слух, а не такой, как у меня. Мы строили бы города из моего старого конструктора, засунутого в огромной коробке из антресоли, и рисовали бы акварельными красками.

И пусть все это должно было произойти нескоро, ощущение собственной важности и нужности несколько дней на-

полняли меня непривычными светлыми мечтами.

Но утром в понедельник из-за приоткрытой двери в родительскую комнату я невольно услышала их разговор.

– Тебе придется забрать моих клиентов, – сказала мама. – Это, конечно, не твой профиль, но я буду помогать. Не хочется отдавать их абы кому.

– Ты не собираешься потом возвращаться? – удивился папа.

– В ближайшие лет пять – нет. Не хочу, чтобы получилось, как с Тоней.

– Она повзрослела и все понимает.

– Сейчас да, но это из-за нас она выросла такой колючкой.

– Тоня не колючка. Она просто интроверт.

– Нет, не просто. Она все держит в себе, никогда не жалуется и не просит о помощи.

– Тоня выросла настоящим мужиком, – расхохотался папа. – Мы – молодцы!

– Это не смешно, – фыркнула мама. – Если единственный человек, с которым она находит общий язык, – психологически травмированный мальчик, то мы не молодцы.

– У них любовь – и с этим ничего не поделаешь.

– Я ничего против не имею, Костя мне нравится. Несмотря на все «но», влияет он на нее хорошо. И все же мне бы хотелось, чтобы между нами было больше тепла.

– Это в тебе гормоны беременных заговорили.

– Возможно. А может, я тоже повзрослела.

То, что мама намерена сидеть с ребенком до пяти лет, меня просто убило.

Выходило так, что я уже не буду ему нужна. У него будет мама. И ему, конечно, не придется бояться темноты и одиночества, но вовсе не из-за меня. И английскому его она не научит, и музыку не поставит. А через пять с половиной лет, если прибавить еще шесть месяцев до его рождения, мне исполнится двадцать три. И к тому времени я уже стану совсем другой. Правильной и душевной, как все взрослые.

– То, что сказала твоя мама сейчас, совсем не означает, что после рождения ребенка она не передумает. В любом случае ты ей точно понадобишься, – сказал Амелин, выслушав мои опасения.

Мы развалились на диванах в малюсеньком темном кафе возле моего дома. Там всегда играла тихая электронная музыка, пахло ванильными круассанами, а официантом был приветливый темноволосый парень в белом фартуке с надписью на бейдже: «Наташа». Он знал, что мы всегда заказываем чайник жасминового чая, никогда не делал мне замечаний, если я устраивалась на диване с ногами, и никогда не потирапливал.

– А я не хочу понадобиться. Я хочу сама!

– Сама что?

– Ну я не знаю... Заботиться о нем, воспитывать...

– Мне кажется, ты капризничаешь.

– Ничего подобного. Просто... Просто это несправедливо.

– Несправедливо было бы, если бы твоя мама решила повесить малыша на тебя.

– Думаешь, я бы не справилась?

– Конечно справилась, но он бы отнимал у тебя слишком много времени. – Костик придвинулся ближе. – Разве тебе больше не о ком заботиться и воспитывать?

Убрав челку с его лба, я заглянула в улыбающиеся глаза:

– Ты что, хотел бы снова стать маленьким?

– Нет, – ответил он чересчур быстро. – По крайней мере маленьким собой точно. Знаешь, у психологов есть такой прием. Когда им нужно раскрутить тебя на эмоции, они просят представить себя ребенком в какой-то прошлой неприятной, обидной ситуации. Ситуации беспомощности или страха, а потом предлагают вообразить, будто ты, тот, который сейчас, приходишь к этому ребенку на помощь. Спасая, защищаешь, жалеешь. Это ужасный трюк. – Он уткнулся носом мне в плечо. – В первый раз когда я его проходил, то рыдал белугой. Правда. Полчаса не мог успокоиться. Потом стал хитрее. Старался не думать и не представлять, чтобы снова не попасть в эту ловушку.

Официант Наташа принес тарелку с имбирными пряниками.

– Ребенок – это чистый лист, Амелин, а у тебя медицинская карта толще учебника истории.

– Вот именно. – Он снова выпрямился и сделался неожи-

данно серьезным. – Поэтому взрослым собой я бы тоже быть не хотел. Взрослый я – ужасный человек. Просто хорошо, что мне не придется делить тебя с вашим новым ребенком.

Больше мы ни о чем таком не разговаривали, но, когда уже собирались уходить, он, застегивая пальто, как бы между делом сообщил:

– У Дианки в субботу день рождения. Она в клубе отмечает. Ты не против, если я схожу? Только поздравлю ее, и все.

– Можешь ходить где угодно и с кем угодно. И спрашивать разрешения не должен.

Новость была неожиданной и не особо приятной.

– Это не разрешение. Всего лишь хотел узнать, как ты к этому относишься.

– А как я должна относиться? Ревновать? – Накинув капюшон, я отгородилась от его вопросительного взгляда. – Диана твоя мне не нравится, но вовсе не потому, что ты с ней мутил.

– Да не мутил я, глупенькая... Это другое. – В его голосе послышалась ирония. – Я был маленький и наивный.

– Не хочу ничего слушать. Особенно про наивность. Особенно мелодраматическую историю твоего подросткового увлечения. Диана твоя старая. И мерзкая. А больше всего меня знаешь, что в ней бесит? Что она прекрасно знала, что с тобой происходит, но пальцем не пошевелила, чтобы тебе помочь.

– Значит, ты против?

– Решай сам.

Во вторник снова объявился Кац. С той нашей встречи в кафе прошло около трех недель, я и думать о нем забыла, Амелин, кажется, тоже. Мы шли вдоль Тверской и спорили о «Постороннем» Камю, которого Амелин заставил меня прочесть.

Два раза в неделю мы встречались в метро на «Белорусской» – Костик после универа, а я после занятия с репетитором – и ходили пешком до площади Революции. Просто так, чтобы поговорить и побыть вместе.

Кац позвонил как раз в тот момент, когда Амелин требовал от меня признать, что покорность Мерсо – это не слабость, а противостояние конформизму.

Их разговор получился коротким.

Кац поинтересовался, решил ли Костя что-то насчет картины. На что Амелин, все еще находясь на волне нашего с ним разговора, сказал, что решения – это атомы человеческого бытия и, когда ценности вступают в противоречия, человеку необходима пауза, чтобы взвесить, насколько эти решения наполнены смыслом.

Кац ответил, что до Нового года еще есть время, и попрощался.

– Тебе совсем нелюбопытно узнать, кто этот клиент Каца? – спросил он меня, закончив говорить.

– Я даже в Дерево желаний верю больше, чем в то, что их

может исполнять какой-то там человек.

– А ты знаешь, что не все, кого мы считаем людьми, являются ими на самом деле? Я тебе никогда не рассказывал про Януса?

– Нет. А кто это?

– Не думаю, что он был человеком. Точнее – так, как мы это себе представляем.

– Не поняла?

Он притянул меня к себе.

Шли мы медленно, и нас то и дело обгоняли торопливые прохожие. Витрины магазинов сияли новогодними декорациями, шел легкий снег и было довольно морозно, но под его рукой холода не чувствовалось.

– Мы познакомились в хозяйственном магазине. Там при входе стоял старый автомат с железной клешней, вытаскивающей игрушки. Только автомат не работал, а из игрушек остался лишь одноглазый плюшевый слон с перевернутым хоботом.

Мила отправила меня за стиральным порошком. Я его купил и когда уже выходил из магазина, увидел возле автомата невысокого мужчину лет пятидесяти, с седыми волосами, забранными сзади в пучок. Заложив руки за спину и наклонившись вперед, он внимательно разглядывал слона. Я приостановился и заметил, что его губы шевелятся так, словно он разговаривает со слоном. Это показалось мне настолько странным, что я подошел ближе. Тогда мужчина заметил ме-

ня.

– Это Ганга, – сказал он мне. – А ты кто?

Я ответил, что Костя, и зачем-то добавил, что купил стиральный порошок. Растерялся просто. Мне же тогда девять было. А он такой:

– Знаешь, зачем он здесь сидит?

Я говорю: «Похоже, его никто не взял и уже, наверное, не возьмет, раз автомат не работает». А он: мол, ты ошибаешься, автомат работает, просто не для всех, а для тех, кто знает его секрет.

Конечно же, я сразу стал расспрашивать, что это за секрет. И про слона тоже. Тогда мужчина попросил поклясться, что я об этом никому не разболтаю, а потом рассказал, что если Ганге заплатить, а потом задать вопрос, то он пошлет тебе ответ в виде вещего сна или внезапного озарения.

Я сказал, что мне нечем заплатить Ганге, и выяснилось, что тот принимает оплату не деньгами, а пуговками. Он показал на одну из пуговиц у меня на куртке и сказал, что я могу расплатиться ей. Пуговицу я отодрал с радостью. Ту куртку я ненавидел: она была девчачья. Миле кто-то из подружек бесплатно отдал, и она внушала мне, что по ней не видно, что она женская. Но это было еще как видно.

В общем, я отодрал все пуговицы сразу. Их было шесть.

Из-за того, что я так сделал, мужчина начал громко смеяться и сказал, что я первый мальчик из всех, что он встречал, у которого сразу столько вопросов. Но, к сожалению,

Ганге можно было задать только один вопрос зараз, поэтому он предложил приберечь оставшиеся пуговицы для другого случая.

Кинув пуговку в отверстие для монет, я спросил: «Сколько мне лет?»

И он снова засмеялся, потому что я задал слишком простой и очевидный вопрос. А нужно было спрашивать нечто такое, чего я сам не знаю. Но я ответил, что нарочно так сделал, чтобы проверить Гангу.

Мужчина сказал, что его зовут Янус, и предложил встретиться у автомата в следующее воскресенье, ведь теперь ему тоже интересно, как справится Ганга с этой задачкой. Я согласился и ушел.

А через два дня Мила заметила оторванные пуговицы. Расшумелась как ненормальная. Что я вроде бы взрослый, а веду себя как маленький. Она так и кричала: «Тебе девять! Костя! Тебе уже девять!» Тогда-то я понял, что это и есть ответ Ганги. И в следующее воскресенье пошел на встречу.

Янус уже был там. Стоял засунув руки в карманы и так же, как в прошлый раз, будто бы разговаривал с Гангой. Я объяснил ему про Милу и задал Ганге новый вопрос. Нормальный.

Спросил, как мне найти папу. Янус поинтересовался, что с ним, и мы разговорились.

Он рассказал, что у него тоже нет отца, но не из-за того, что не знает его, а потому, что родился без отца, сам по себе.

Из тьмы и времени. И что так действительно бывает.

– Вполне возможно, с тобой произошло то же самое, – сказал он. – Родиться можно из чего угодно, поскольку дух существует во всем.

Я сказал, что у меня есть Мила и я точно родился от нее, а он ответил, что это лишь способ вхождения в мир.

Он мне много тогда про это рассказал. Мы ели мороженое и ходили на пруд кормить уток. А потом снова договорились встретиться в воскресенье.

Ответ на вопрос про отца пришел мне из телевизора. Я его не смотрел, но, когда оставался один, с ним было не так грустно. Раньше у деда в деревне постоянно телик работал, так что я привык. В общем, я уже не помню, что делал в тот момент, как вдруг услышал из другой комнаты суровый мужской голос: «Ты не вправе что-либо требовать от него. Твой отец дал тебе достаточно. Оставь его в покое! И не ищи больше».

Позже Янус сказал, что одобряет такой ответ, ведь родители ничем своему ребенку не обязаны, они и так уже дали ему жизнь. Мне это было непонятно, ведь я всегда думал, что родители должны заботиться и любить своих детей. Но Янус пояснил, что для этого нужно обладать даром любви. А он есть не у всех, поэтому эти вещи никак не связаны.

Все, про что он говорил, было очень интересным. Таким, о чем я бы сам никогда не подумал. Станным, загадочным, непонятным, но будоражащим.

Возможно, повстречай я тогда буддийского монаха или мормона, я бы стал их адептом. К тому времени у меня накопилось много вопросов к моей девятилетней жизни, и я был готов принять любое, даже инопланетян, если бы те объяснили мне, что происходит вокруг.

Но Янус не был абсолютно религиозен или научен, он рассказывал о вещах и явлениях, оперируя одновременно и законами Ньютона, и цитируя Книгу перемен. Его образованность восхищала. До тех пор я никогда не встречал людей, умеющих так широко мыслить. Он говорил, что живет уже тысячи лет и способен видеть будущее. И я ему верил.

Его появление в той моей жизни было подобно волшебству. Просто представь: это как если бы ты вдруг в девять лет повстречала Дамблдора.

Я задал Ганге еще семь вопросов. И на все получил ответы. Но больше всего ответов мне дал Янус.

Однажды он пригласил меня к себе домой. Я знал, что ходить с чужими опасно, и отлично знал почему. Но у меня дома порой было не менее опасно, поэтому я решил, что если мне суждено умереть, то пусть это лучше сделает Янус.

Так я ему и заявил, чем очень сильно его насмешил. Он сказал, что не собирается меня убивать, но если я не возражаю, то хотел бы видеть меня чаще чем раз в неделю.

На самом деле его звали Ян Иванович. У него дома было полно книг и разных удивительных вещиц: часы на цепочке, умеющие запускать время вспять; шкатулки с цветны-

ми шариками, якобы наполненными различными эмоциями; исполняющие желания золотые рыбки в аквариуме; картины с пейзажами, в которые можно было уйти; ключи от сердец, пуговицы-обереги и много еще всякого разного.

Так что я охотно стал ходить к нему, запретив себе думать о том, что же он сам получает от этих встреч.

Это продолжалось около трех месяцев, а потом я как-то пришел и наткнулся в его квартире на полицейских. Они тут же накинулись на меня и стали расспрашивать о моих отношениях с Яном Ивановичем, что он со мной делал и как.

Потом отвели домой и попросили Милу поговорить со мной, чтобы я им все рассказал и мы вместе с ней написали на Януса заявление. Как оказалось, он уже давно находился в розыске за совращение и убийство детей.

Но я честно признался, что мне он ничего плохого не делал, до сих пор, кстати, не знаю почему. Может, жалел, а может, просто играл как с мышонком.

Но когда на следующий день после его ареста я отправился в хозяйственный, чтобы спросить Гангу, действительно ли Янус виновен в том, в чем его обвиняют, автомат удивительным образом исчез. Уборщица сказала, что никто не понимает, куда он делся, потому что, когда они пришли утром, его уже не было.

Так что да, Тоня, отчасти я верю и в исполнение желаний, и в то, что такие люди существуют. Ну или не люди. Не знаю.

– Боже, Амелин, даже если ты все это придумал, то это

страшная история. И она вовсе не про волшебство.

– Ты права. Она про отсутствие самосохранения у детей. С одной стороны, ты боишься ночью пробежать по темному коридору до туалета, предпочитая терпеть до утра, хотя, в общем-то, знаешь, что там никого нет, а с другой – готов добровольно отдаться на съедение реальному, человеческому монстру только потому, что он просто был добр и внимателен к тебе.

– И что же тебе сказала про это Мила?

– Мила? Ничего. Но ее тогдашний хахаль надолго отбил охоту вообще разговаривать с людьми.

Мы остановились возле группки, окружившей уличных музыкантов.

«Black black heart...» – пели они.

Своих шрамов Амелин стеснялся и одновременно бравировал ими.

Он прекрасно понимал, что выглядят они гадко. И те чувства, что остались от побоев на спине, и которыми он собственноручно себя разукрасил.

Однако гораздо сильнее его смущала не столько их физическая непривлекательность, сколько отражение его слабости и несдержанности.

Тяжелые воспоминания и боль он прятал за сияющей улыбкой, шрамы же прикрывала только одежда, но стоило ему остаться без нее, как темнота сгущалась.

Вечером следующего дня я нашла среди его учебных вещей черный фломастер и скрупулезно провела им по каждому тонкому белому шрамику, розовой полосочке, багровому рубцу на его спине и руках. Процесс был долгим и волнительным, но я добросовестно прорисовала каждую черточку.

– Зачем это? – Он смущенно улыбался, разглядывая свое тело, напоминающее замысловатый штрих-код.

– Теперь я уже не уверена, что это просто шрамы. В их рисунке есть ритм, последовательность и логика. Они выглядят вполне разумными.

Амелин чуть не свернул голову, пытаясь заглянуть себе за плечо.

– Признайся, ты это специально сделал?

– Что сделал? – Впервые растерянным был он, а не я.

– Очевидно же, что это магические знаки, вызывающие влюбленность, притяжение и зависимость.

Он весело засмеялся:

– Егильет?

– Ну уж не знаю, как у вас, цыган, это называется.

– Это такой заговор, – сказал он, таинственно понизив голос. – Одержимость одним человеком. Чтобы он больше ни на кого не смотрел.

– Вот, пожалуйста, и теоретическая база, и доказательства, – сфотографировав его спину, я показала ему.

– Это черная магия. – Несколько секунд он молча разглядывал фотографию, затем удалил. – Обращение к темным

силам и духам, переход потусторонней черты, а тот, кто однажды соприкоснулся с миром мертвых, никогда больше не станет прежним.

– Ну вот откуда у тебя такие познания?

– Мила с подружками к бабке какой-то ходили. Вернулись напуганные и весь вечер этот егильет обсуждали. Слово такое странное. Я погуглил. Помню, удивился еще тогда, что можно хотеть заставить человека насильно тебя любить. По-моему, это очень стыдно и унижительно.

– Ты так это сказал, что если бы я тебя не знала, то решила, что ты воспитывался в монастыре, а не среди стриптизерш.

– Слушай. – Амелин вдруг приподнялся. – А что, если мне пожелать избавиться от всего этого? Чтобы в один прекрасный день проснуться чистым, новеньким, заново рожденным?

– А смысл?

– Чтобы ты смотрела на меня как на Тифона.

– Твой егильет мне нравится больше.

– Правда? – Он недоверчиво прищурился.

– К тому же это противостояние конформизму. Ты забыл?

– Точно. – Рассмеявшись, он прижал мою ладонь к своей груди. – И все-таки иметь возможность загадать любое желание – это такой соблазн...

Глава 11

Никита

Ночью мне приснилась Нина. Прошло уже больше недели после того случая, когда она заманила меня к себе, но приснилась лишь сейчас. Все было как тогда. Их с Зоей квартира. Зеркальный шкаф и голая Нина на разложенной кровати. Только во сне я не был против ее домогательств, а охотно отвечал на них. Нина во сне была ласковая и нежная. Такая нежная, что я никак не мог перестать ее целовать. И вроде бы где-то крутилась здравая мысль, что не должен, а все равно продолжал. Ее руки проползли у меня по спине и нырнули под пряжку на ремне. Это был очень важный, волнующий момент, я вдохнул поглубже и вдруг прямо над собой услышал громкий голос бабушки:

– Как тебе не стыдно, Никита!

Я запаниковал, отпрянул от Нины и мгновенно проснулся. Весь в поту, напуганный, с колотящимся сердцем.

– Почему ты опять вещи разбрасываешь? – Бабушка сурово возвышалась над валяющимися посреди комнаты джинсами.

За окном еще стояла темень, но постель Дятла была уже застелена.

– Они упали.

На самом деле джинсы просто не долетели до стула, а встать и поднять их было до ужаса лень.

– Упали? Откуда? – Бабушка с издевкой подняла голову. – С потолка, что ли?

В теле еще бродили приятные ощущения, вызванные сном, но бабушка пребывала в дурном расположении духа и уходить не собиралась.

– Я еще сплю! – сказал я, давая понять, что не хочу с ней разговаривать, но она нарочно продолжала:

– Тебе разве сегодня учиться не надо?

– Мне к третьей паре.

– Ага, к третьей. Может, к десятой?

– Сегодня понедельник. Значит, к третьей.

– Сегодня вторник, – победным тоном выдала она.

– Черт! – Я мгновенно сел.

– Даже бабушка знает твое расписание лучше тебя.

На первую пару я уже опоздал, но на экономику попасть все же хотелось. Препод с самого начала объявил, что те, у кого не будет пропусков, сразу получают «автомат» и сдавать ничего не потребуется.

И я не то чтобы, как Дятел, грезил оценками, но гораздо проще было сходить на эти дурацкие пары, чем потом зубрить всякую дребедень.

Откинув одеяло, я пересек комнату в два шага.

– Обязательно прими душ! – крикнула бабушка в спину. –

От тебя пахнет потом.

Иногда меня так и подмывало хорошенько поругаться с ней, потому что в этой семье ей вообще никто не мог сказать даже слово поперек, и от этого она чувствовала свою безмерную власть. Но потом прикидывал, что если вступить в открытую конфронтацию, то дело просто закончится тем, что она потребует, чтобы я отправлялся к маме. С мамой мы были в неплохих отношениях и, с тех пор как я от нее переехал, почти не ругались. Но здесь жили все мои друзья и Настя в одной остановке на метро, а мама – на другом конце Москвы. Да и Игорь, ее второй муж, мне не нравился. Уж лучше терпеть бабушкин вынос мозга, чем его бесконечные наставления о том, как «правильно». Потому что правильным было только то, что делал он. У бабушки на все находилась тысяча аргументов, примеров из жизни или книг, а у Игоря существовали только правила, установленные для него родителями в детстве, тупые статьи с «Яндекс-Дзен» и форум зожников Пресненского района.

Я выбежал из дома с маленьким прозрачным пакетиком, в который бабушка заботливо упаковала три блинчика с мясом. Позавтракать не успел, но от блинчиков отделаться не получилось: каждый раз бабушка припоминала, как этим летом я отравился пирожками с мясом, купленными на рынке.

Снег сыпался крупными хлопьями, ложился на асфальт и тут же превращался в слякоть.

Декабрь – такой месяц, который пролетает быстрее

остальных. Пока сообразишь, что осень уже закончилась, пока привыкнешь к постоянной темноте и дождешься, когда мерзлая чернота земли покроется белыми сугробами, оказывается, что уже елку ставить пора. А там на носу итоговые контрольные с зачетами, предновогодняя суета, распродажи, необъяснимая спешка доделать все дела, оставить в старом старое, озадачиться подарками и настроиться на счастливую, полную радостей жизнь, которая, согласно всем пожеланиям, обязательно начнется после Нового года.

Приткнувшись в уголок возле дальних дверей в вагоне метро, я сделал музыку погромче и в первый раз за утро выдохнул с облегчением.

Однако спокойно проехать успел всего две остановки.

Телефонный вызов прошел, едва поезд выкатился на платформу, и, как только двери раскрылись, я выскочил на станцию. Этот звонок никак нельзя было пропустить.

Тиф звонил только в особые дни и в особые часы, когда им разрешали, и перезвонить возможности не было.

– Да! Алло! – заорал я, прижимая трубку как можно сильнее к уху и перекрикивая поезд, прибывающий на соседний путь. – Тиф, прости, я в метро. В универ еду. Проспал.

Не знаю, зачем я выдал всю эту информацию, наверное, боялся, что он меня не услышит.

Но он услышал, и в короткой паузе наступившей тишины его хриплый голос прозвучал очень близко и по-родному небрежно:

– Давай назад.

– В смысле? – Я немного растерялся.

Поезд, на котором я приехал, тронулся. Тиф что-то еще говорил, но, кроме хриплого бульканья, я ничего не мог разобрать. И вдруг сам догадался:

– Ты приехал? Ты в Москве? Что? Я не слышу. Ты здесь? Тиф, ты здесь? Дома?

– Да-а-а! – заорал он в трубку, и я в последний момент успел запрыгнуть в поезд, идущий в обратную сторону.

Я давно ничему так не радовался, как внезапному возвращению Трифонова, и почему-то думал, что он встретит меня в форме. Но он вышел как обычно: в майке и боксерах. Даже одеться не потрудился к моему приходу и тут же отпрянул, уворачиваясь от моих попыток обнять его, не снимая заснеженной куртки.

– Ошалел?

Я рассмеялся, и он сделал вид, что отвечает мне подзатыльник:

– Че ржешь? Давай проходи.

Я очень боялся, что Тифон изменится. Многие рассказывали, как армия меняет людей.

Прошло, конечно, всего ничего, каких-то два-три месяца. Но в моем воображении тот, кто уходил в армию, менялся сразу, словно попадал в автомат для реконструкции людей.

Но Тиф человеком не был. Он был Терминатором, поэто-

му почти не изменился.

Все те же точеные скулы, выступающие чуть резче обычного, колкий взгляд, черный дракон, пульсирующий на шее, бритые виски.

– Мне кажется, ты похудел, – сказал я.

– Угу. Три кило потерял.

– Нагрузки?

– Чего мне нагрузки? Еда.

– Я думал, в таком месте должны нормально кормить.

Он нахмурился:

– Ты мне местом не тычь, понял?

После нашего полного приключений лета, когда мы много чего натворили, Андрею пришлось пойти с отцом на сделку: Юрий Романович улаживает наши неприятности, а Тиф покорно соглашается служить там, куда его пристроят. Так он оказался в части подмосковного подразделения МЧС.

– Понял-понял. Просто так сказал.

– Только в этой квартире голяк, – предупредил он. – Мать завтра приедет. Велела купить все для бутербродов. А я, пока тебя ждал, всю колбасу уже сожрал, но сыром могу угостить.

Я прошел за ним в комнату.

Там тоже все осталось по-прежнему, как в школьные времена. Шведская стенка, груша, плакаты с известными боксерами, старый комп с монитором-коробкой, рядом на столе лежала зеленая картина, которую Тифу подарил полоумный

дед-художник из больницы.

Тифон сгреб рюкзак и раскиданные вещи в сторону, чтобы я сел на диван, а сам развалился на стуле, вытянув ноги и скрестив руки на животе.

– Держи, – я протянул ему пакетик с блинчиками. – Бабушкины. Теплые еще.

Он охотно взял пакетик.

– Сам будешь?

– Не, только позавтракал, – мужественно отказался я, стараясь не вдыхать аппетитный запах. – А ты чего вдруг дома?

– Романыч выписал. Юбилей у него. Мать говорит, его идея. – Тифон жадно откусил половину блинчика. – Но я не верю.

– Надолго?

– До третьего января.

– Круто! Не знал, что в армии так можно.

– У нас, блатных, все можно. Сплошной санаторий. – Тиф зло заулыбался, нарочно подчеркивая, насколько ему неприятно находиться в привилегированных условиях.

Чтобы не продолжать тему, я схватил со стола картину. На ней был изображен зеленый квадрат, и называлась она «Все зеленое». В искусстве я совершенно не разбирался, но догадывался, что при ее написании были использованы какие-то особые техники, создающие оптические иллюзии.

Смотришь на зеленые разнотонные мазки, а перед глазами мелькают воспоминания, образы, ассоциации. По задум-

ке художника, картина должна была приносить счастье.

– Ну что? Привалило тебе счастье?

Тиф молча забрал картину и, перевернув лицом вниз, положил обратно.

– Расскажи, че у вас? – Он жадно откусил половину блинчика.

– Да как обычно. – Я задумался.

– Что Соломин?

– Учится.

– Не женился?

– Ты так спрашиваешь, будто тебя год здесь не было.

– По ощущениям больше года, – пробубнил он жуя. – Ну, хоть что-нибудь происходит? Или без меня вы ничего не можете?

– Без тебя все спокойно, – признался я.

– Что Зоя?

– Все нормально. Учится, в химчистке подрабатывает. В свободное время мы с Лёхой ее развлекаем, как ты и просил.

– С Максом общается? – Тиф уперся в меня взглядом.

Я не сомневался, что из всех прочих вопросов по-настоящему его волновал только этот. К счастью, он сам избавил меня от прямого ответа.

– Мне-то их кино из Капищено ночами снится. Там, во сне, я убил Макса уже раз пятнадцать. Может, все-таки зря я ему это спустил?

Отложив пакетик с последним блинчиком, Тиф встал, до-

стал сигареты и закурил.

– Ну избил бы ты его, и что? Она бы сказала, что другого от тебя не ожидала, а так испугалась, что ты ее разлюбил.

– Никогда не пойму женщин. – С тяжелым вздохом он стряхнул пепел в горшок полузасохшего цветка на подоконнике. – Если бы Макс попробовал у меня сигареты украсть, я бы ему их в глотку запихнул, а тут Зоя... И он до сих пор жив.

– Зоя сама с ним сбежала, – осторожно заметил я.

– Да пофиг. Он не должен был ее забирать.

– Зоя не твоя вещь, Тиф. Вот именно от этого она и сбежала. Забыл?

– Блин, Горелов, ты голос моей совести. – Он усмехнулся. – Мне тебя там очень не хватает.

От такого признания я чуть до потолка не подскочил и только хотел ответить что-то в том же духе, как раздался пронзительный звонок в дверь.

Я думал, пришел Лёха. Но это был не Лёха.

Бросив на пол тяжелый пакет с продуктами, Зоя радостно взвизгнула и, с разбега заскочив на Тифа, повисла у него на поясе. Обхватила руками и ногами и принялась зацеловывать, а когда он попытался что-то сказать, заткнула его долгим-предолгим поцелуем.

Снег с ее волос сыпался ему на голые плечи. Трифонов попятился, а Зоя все целовала и целовала его, пока он не

уперся спиной в тупик коридора и не свернул в материну спальню.

Я машинально пошел за ними, однако, не доходя до комнаты, остановился, немного обождал, ожидая, что они закроют дверь сами, но не дождался.

Стараясь не прислушиваться, вернулся, собрал Зоин рассыпавшийся пакет и отнес его на кухню.

Зоя знала, куда шла. Она принесла картошку, сосиски, хлеб, несколько консервных банок с горошком, макароны и две замороженные курицы.

До их возвращения я успел все разобрать и прослушать половину последнего альбома Twenty One Pilots.

Пока Зоя жарила картошку с сосисками, Тифон оживленно рассказывал о порядках в их воинской части и новых приятелях. Похоже, ему там нравилось. Всё, как он любил: каждодневный волевой напор и никакой лирики. Единственное, что давалось ему с трудом, – это дисциплина: послушанием Тифон никогда не отличался. Однако и ее он принимал со стойкостью шаолиньского монаха.

После, разложив картошку по тарелкам, Зоя засыпала нас историями о своем универе: о девчонках, преподах, проблемах с расписанием и аварийном состоянии аудиторий.

Тифон что-то спрашивал, а я молчал. Чувствовал, что им нужно остаться вдвоем, но все никак не мог заставить себя уйти.

Наконец решился:

– Ладно, ребят, я пойду. Дела есть.

– погоди, – Тифон поднялся следом за мной. – Мать сказала, что нужен костюм. А покупать денег жалко. Я же его больше никогда не надену. Одолжишь мне?

– Не, Тиф, мой пиджак на тебя не налезет.

– Я похудел.

– Никита прав, – вмешалась Зоя. – Даже если ты его натянешь, это будет выглядеть несолидно.

– Да плевать, солидно, несолидно. Я тебе Ярик, что ли?

– Но ты же не хочешь, чтобы твоей маме было за тебя стыдно?

– И что делать?

– Может, у Лёхи возьмешь? – предложил я.

Криворотов был ниже меня, но покрепче.

– С ума сошел? – Тифон поморщился. – У Лёхи все штаны узкие. Еще больше позориться.

– Я знаю, у кого можно взять. И тебе точно подойдет. – Зоя загадочно помолчала.

Мы оба вопросительно посмотрели на нее.

– У Ярослава полно разных костюмов. И фигура у вас похожая.

– Что? – Тифон скривился еще сильнее. – Да я лучше тысячу костюмов себе куплю, чем что-то у него попрошу. За кого ты меня держишь?

– Артём? – подкинул я еще один вариант.

Артёму, конечно, было далеко до Тифона, но он был высокий и явно носил вещи большего размера, чем я.

– Артём – метр девяносто, – сказала Зоя. – Ты о брюках подумал? А может, Макс подойдет? – под острым взглядом Тифа она на секунду осеклась, а потом как ни в чем не бывало продолжила: – Ну а что? Он не худой и не толстый. Они в прошлом году с Артёмом одинаковые покупали на чью-то свадьбу.

– Зой, ты совсем? – Тифон насупился. – Ты нарочно меня провоцируешь сначала Яровым, теперь Максом?

– Да нет же! – Она улыбнулась. – Мне казалось, вы помирились.

– С кем из них мы помирились? – произнес он с нажимом.

– Всё-всё, только не начинай. – Зоя замахала руками.

– А это, кстати, мысль. – До меня дошло, что она придумала. – Если костюмы одинаковые, взять пиджак у Артёма, штаны у Макса, и будет шикарно.

– Я никогда не видела тебя в костюме, – ласково заворковала Зоя и, не давая Тифону опомниться, перебралась к нему на колени.

– Я и сам не видел. – Он смягчился. – Куплю, раз такое дело. Поможешь выбрать?

– Нормальный костюм тысяч двадцать стоит.

– Сколько? – Тифон схватился за стул. – Мне нормальный не нужен. Мне любой. Хоть одноразовый.

– У Ярослава будет хороший костюм, – произнесла Зоя с

нажимом. – Недешевый. И все это заметят.

Тифон хрипло зарычал, несколько секунд невидящим взглядом смотрел в окно, потом сдался:

– Ладно. Я позвоню Тёме. Только, если он согласится, ты с нами туда не поедешь.

К Артёму мы отправились на следующий день. С утра я съездил в универ, добросовестно отсидел три пары, а с философии слинял. Мне и своего философа дома выше крыши хватало.

Только вчера начали засыпать, как он завел:

– Слушай, Никит, как ты думаешь, а может, Бог – это коллективный разум? Ну то есть не какое-то там абстрактное нечто, а все люди, вместе взятые? Их общая душа, воля, энергия?

– Чего это ты вдруг религией заинтересовался? Ты же вроде неверующий.

– Не религией, а теологией. Хочу изучить вопрос.

– Зачем это тебе?

– Чтобы с Марковым грамотно полемизировать.

– А он разве верующий?

– Нет.

– Так и ты нет.

– В том-то и дело. Не могу же я вот просто так с ним согласиться.

– Почему?

– Потому что этот человек слишком много на себя берет. Он еще школьник, а ведет себя будто профессор.

– Ты старше его всего на год и тоже часто себя так ведешь.

– Неправда. Все мои умозаключения охватывают широкие пласты любой сферы. А у него всё в одной плоскости, исключительно причинно и линейно. – Дятел приподнялся на локте, и даже в темноте я видел, как заинтересованно блестят его глаза. – Так что ты скажешь по поводу коллективного разума?

– Спроси лучше у бабушки. Это она ходит воду святить и икону повесила.

– У бабушки не могу, в этом вопросе я являюсь ее оппонентом. И стоит сейчас выразить интерес, как она будет считать, что я пошел на попятную, и потащит меня в церковь.

– Настя говорит, что Бог – это любовь.

– Такое с Марковым не прокатит. А вот гипотеза, что Бог – это постоянно изменяющееся информационное поле нашего мироздания, – вполне. И каждый человек своим программным разумом является частью Бога, преобразуя его посредством накопления и обработки информации.

Я отвернулся к стенке.

Наступила долгожданная тишина. Однако только я успел расслабиться, как под подушкой завибрировал телефон.

В такое время мне могла писать только Настя. Но сообщение пришло не от нее, и я несколько раз перечитал его, прежде чем понял смысл.

«Знаешь, что я хочу на Новый год? Абонемент в фитнес-клуб. Можешь папе намекнуть, пожалуйста? Типа это ты придумал?»

Артём встретил нас психованный и злой. В руках он держал телефон и постоянно проверял сообщения.

Макса же, к глубокому разочарованию настроившегося на суровый разговор Тифона, дома не оказалось.

Артём покидал вешалки со своими костюмами на широкую кровать в спальне, потом притащил еще несколько из комнаты Макса:

– Выбирай, что хочешь.

Тифон присел на корточки, играя с развеселившейся от нашего прихода собакой.

– Пусть Никитос выберет, – отмахнулся он. – Мне пофиг.

– Пофиг не пофиг, а на день рождения ехать не мне. – Я поднял первую попавшуюся вешалку. – Давай раздевайся.

Артём быстро вышел из комнаты, собака побежала за ним.

Надетый поверх белой футболки пиджак смотрелся вызывающе стильно, а татуировка дракона бросалась в глаза как никогда. В целом пиджак Тифону подошел. Чуть сильнее, чем нужно, натянулся на плечах, а рукава были слегка длинноваты. Но смотрелось неплохо.

– Ты похож на киношного наркоторговца или сутенера, –

заметил я. – Не хватает только золотой цепи и перстней.

Тифон состроил угрожающее лицо и, сделав вид, что вытаскивает из-за пояса пистолет, навел его на меня через зеркало.

– Ты меня подставил. Назови хоть одну причину, почему я не должен убить тебя прямо сейчас.

– Это ошибка. Я всегда был на твоей стороне, – подыграл ему я. – Клянусь, я бы никогда не пошел против тебя.

Продолжая держать «пистолет», Тифон развернулся ко мне.

– Нужно было убить тебя раньше, когда ты соврал Зое про те фотки. Это из-за них она приехала в лагерь и потом сбежала.

Я растерялся. Такой переход к реальности был слишком неожиданным.

– Думал, мы с этим уже разобрались. Я извинился.

– Я должен был убить сначала тебя, а потом Макса.

– Опустить пушку, – сказал я. – Ты можешь убить меня и без нее.

Резко шагнув вперед, Тиф с силой толкнул меня в грудь, и не удержавшись я улетел на кровать.

– Ты чего? Полгода прошло.

Несколько секунд он стоял надо мной с мрачным видом, потом улыбнулся краем губ:

– Ладно. Шучу.

– Давай брюки мерить, – выдохнул я облегченно.

Но только он начал снимать штаны, как в комнату вихрем ворвалась Лана, сбила в порыве буйной радости его с ног и весело набросилась сверху – облизывать лицо.

Матюкаясь и дергая запутанными в штанах ногами, Трифонов отбивался, а я ржал. Ударить Лану он не мог, только отпихивал, что еще больше ее раззадоривало.

Пришел Артём и тоже стал над ним ржать.

– Убери на фиг свою собаку, – зло прохрипел Тифон.

– Ща, погоди. – Артём навел на него телефон. – Камеру включу.

– Я тебе включу. – Тиф приподнялся на локте, однако Лана, запрыгнув передними лапами ему на плечи, тут же опрокинула на спину.

Мы загоготали еще громче.

Наконец освободившись от сковывающей движения штаннины, он вскочил и, ухватив Артёма за майку на груди, толкнул так же, как меня, но, в отличие от меня, Артём успел уцепиться за его локоть, и на кровать они улетели вместе.

Дракой их возню в куче костюмов сложно было назвать, но оба злились и, тяжело пыхтя, пытались придушить друг друга.

Было ясно, что Тиф в итоге победит, но Артём держался неплохо и несколько раз ему удавалось выиграть преимущественное положение. Костюмы под ними нещадно мялись. Лана лаяла и бегала кругами вокруг кровати.

Все это длилось минуты три, пока Артём вдруг не крик-

нул:

– Стой-стой, погоди!

Тиф разжал руки. Откатившись на подушки, Артём немного отдышался и по-деловому сказал:

– Разговор есть.

– Что за разговор? – Тиф утер рукавом пиджака взмокшее лицо.

– Я в спальне дела не обсуждаю. – Артём встал, рывком поднял вывалившийся телефон и, проверив сообщения, сунул в карман. – Жду на кухне.

Он ушел, а Тифон еще какое-то время просто валялся раскинув руки. В пиджаке, трусах и болтающимися на одной ноге штанами.

– Вы про Виту в курсе? – С чашкой кофе в руках Артём нервно расхаживал по кухне.

– Я здесь второй день. – На одну табуретку Тифон скинул с горем пополам подобранный костюм, а на вторую плюхнулся сам. – Я вообще ничего не знаю.

– Ее мать посадила под домашний арест, общаться со мной запретила, отняла мобильник и запаролила вайфай. – Артём задыхался от возмущения. – В школу Виту водит какой-то нанятый хрен и не дает к ней даже п-приблизиться.

– Что ты натворил? – удивился я.

– Вообще ничего. – Он так резко развел руки в стороны, что выплеснул кофе из чашки на пол. – Вот черт! Никитос,

принеси туалетную бумагу.

Подобные распоряжения были обычной манерой Артёма общаться с людьми, поэтому, не принимая на свой счет, я отправился за бумагой, а когда вернулся, услышал, как он сказал:

– Нам всего-то нужно будет полгода продержаться, пока ей восемнадцать не исполнится.

– Если тебе предъявят обвинение, то хоть через полгода, хоть через десять лет оно будет в силе. – Тифон недоверчиво смотрел на него исподлобья. – Спроси у Криворотова, он тебе про все статьи расскажет.

Артём небрежно отмахнулся:

– До этого не дойдет. Ее мать перебесится. Она же Витю любит. Ничего такого не будет, нам, главное, умотать и спрятаться нормально. Но мне нужна помощь. Котика подставлять нельзя, типа он не при делах. Я ему даже адрес не скажу, на случай, если пытаться будут.

– Че? Пытать?

– Ну, это я так сказал... Образно. Короче, нужна помощь.

– Э, нет, – Тиф хмуро покачал головой. – Соучастие в похищении мне на фиг не сдалось.

– Да блин! Никакое это не похищение! Отвечаю. Я выяснял. Если Вита поедет со мной по собственной воле, то это побег. Всё.

– Никитос, загугли, – велел мне Тифон.

Они оба закурили.

– Я ничего особенного не прошу. – Артём немного смягчился. – Нужно просто убрать этого дебила.

– Что значит убрать? – испугался я.

– Ну не знаю... Отвлечь или вырубить. Просто чтобы успеть добежать до «пандоры».

– В принципе я тебя понимаю, – задумчиво произнес Тифон. – Без понятия, как бы я сам поступил.

– По заявлению родителей правоохранительные органы должны провести проверку по статье сто сорок один и сто сорок четыре и принять процессуальное решение, – зачитал я то, что нашел в Интернете. – Вернуть вас силой домой они не могут.

– Видишь! – обрадовался Артём. – Нормально все. Я что, по-твоему, малолетний дебил?

Тифон тяжело вздохнул:

– Все равно это мне ни к чему.

– Давай я тебе заплачу?

– Ты достал уже везде свои деньги пихать.

Артём стоял перед нами широко расставив ноги и со скрещенными на груди руками. Вид у него был решительный.

– Думаю, лучше проверить это дело вечером. Вам всего-то нужно его минут пять подержать: потолкаться, побычить – ничего противозаконного. Он, конечно, может вас уложить лицом в снег, пристегнуть наручниками к ограде или шибануть шокером, но это его по-любому задержит.

– Шокером? – Тифон скривился. – Ну, такое себе...

– Нам нужен Криворотов, – сказал я. – Лёхина болтовня замораживает любого противника как минимум на пару минут. Мужик такой идет, а Лёха ему навстречу: «Дядя, как пройти в библиотеку?»

– Чего? – Артём уставился на меня как на умалишенного. – Какую еще библиотеку?

– Шучу. Это из фильма какого-то.

Тифон потер ежик на затылке и поднялся:

– Надо подумать.

– Костюм можешь не возвращать, – сказал Артём.

– Нет уж, – фыркнул Тифон. – Обойдусь без подачек.

Глава 12

Вита

Артём написал, чтобы я готовилась к пятнице. И время резко затормозилось, потекло как расплавленный воск. Я с трепетом представляла, как мы сбежим и будем жить совсем одни. Не так, как в Юрово, всего несколько дней, и даже не пару недель, как в Капищено, а долго, очень долго, до самого лета. Пока мне не исполнится восемнадцать.

О грозящих нам неприятностях я тоже думала. Но не очень много, потому что думать о неприятностях страшно.

Неприятности, грозившие Артёму, представлялись мне гораздо более серьезными.

Он только недавно поступил в консерваторию, начал учиться, и та новая обстановка, в которой он неожиданно оказался, подействовала на него самым благоприятным образом. Градус его неприкаянных творческих терзаний значительно снизился, состояние непонятости и собственной исключительности тоже — ведь с ним на курсе учились десятки таких же молодых талантов, которые, в отличие от него, не прекращали играть и выступать. А его перерыв давал о себе знать. Это злило Артёма и одновременно раззадоривало. Он мог сколько угодно выпендриваться перед Костровым, БТ или другими музыкантами, но, оказавшись среди себе по-

добных, был вынужден по-настоящему доказывать собственную гениальность.

Для него это был лучший способ вернуться в музыку.

Он написал мелодию для компьютерной игрушки, которую от него требовал Костров и которую летом он вымучивал почти месяц, всего за пару недель после начала семестра.

А к середине октября закончил обещанную запись с группой «Бездушная Тварь» и вообще, пребывал в отличном настроении и относительном согласии с собой. Теперь же очередной уход из музыки мог стать для него тяжелейшим испытанием.

Все должно было случиться по дороге домой. Я не знала, как именно, но, когда Носков отстанет, моя задача сводилась к тому, чтобы лететь со всех ног к припаркованной в конце аллеи «пандоре».

Все эти дни я понемногу приносила свои вещи и прятала их в подсобке, куда уборщица собирала потерянные детьми перчатки, шапки, сменку и разное другое добро. Там стояла куча коробок, и те, что были внизу, не открывались месяцами.

Утром, пока в раздевалке царила обычная неразбериха, я заскочила в подсобку, переложила вещи в рюкзак и на последний урок – физкультуру – решила не идти, побоявшись оставлять его в раздевалке. У нас случалось, что во время урока пропадали вещи. Замок на двери запирался, но толку

от него не было никакого, стоило хорошенько ее подергать.

На этот раз этим способом воспользовалась я сама. Дождалась, пока физручка не запрет раздевалку, а потом вернулась и написала Артёму, что могу уйти пораньше, но он ответил, что это не подходит, потому что уже все рассчитано.

Полчаса я ходила по раздевалке из стороны в сторону не в силах унять волнение.

Мысли тоже метались. Было непоздно передумать.

Прежде я считала, что убегают из дома только наркоманы или те, у кого родители алкоголики. Убегают от плохой, несчастной жизни или зла. Но моя жизнь не была несчастной. До недавнего времени она была вполне неплохой. Дома мне всегда было хорошо. И, если я перестану спорить с мамой и настаивать на своем, все снова наладится. Мы уедем и будем жить так же мирно и спокойно, как до моей встречи с Артёмом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.